

БЕДНЫЙ ПАВЕЛ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЕДНЫЙ ПАВЕЛ - 1

ВЛАДИМИР
ГОЛУБЕВ

16+

Владимир Голубев

Бедный Павел. Часть первая

«Автор»

2021

Голубев В. В.

Бедный Павел. Часть первая / В. В. Голубев — «Автор», 2021

Что делать если ты очнулся в теле ребенка, который оказывается тем самым Павлом I? Вокруг странный и незнакомый XVIII век с его интригами и опасностями, а ты не обладаешь никакими сверхспособностями и даже историю знаешь весьма приблизительно. Просто выживать? Но очень хочется, чтобы твоя Родина достойно прошла через все испытания, и страшно проснуться ночью от удара табакеркой в висок.

© Голубев В. В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	14
Глава 3.	23
Глава 4.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Голубев

Бедный Павел. Часть первая

Глава 1.

Нервный я стал, дёранный какой-то. На людей срываюсь, сплю плохо, кошмары какие-то снятся. Иной раз накричу на человека, потом неудобно так – чего сорвался?! Нервы шалют явно, а в отпуск некогда, да и к врачу специальному сходить – не сейчас, наверное – никогда!

Паша что-то чудить начал, а ведь столько лет душа в душу. Всё вместе прошли – и огонь, и воду, и маски-шоу... А здесь что-то уже третий месяц из командировок не возвращается, и не абы каких, а из Европы не вылезает совсем: Швейцария, Франция, Германия. Причём смотрю на его передвижения – билеты, гостиницы, счета за телефон: не похоже, что просто отдыхает – мечется как электровеник из Мюнхена в Лион, из Женевы в Гамбург – по день-два в каждом городе проводит, не больше.

Явно что-то не так. А он не говорит что – типа «не по телефону». И уехал внезапно – ничего не сказал. Может, кураторы наехали? Но не должны, я с ними знаком, пусть и не очень близко – не Паша всё же, но общаемся-то с завидной регулярностью. Не должны были мы с ними поссориться. В авторитете они по-прежнему – их шеф по телеку раз в пару недель стабильно мелькает – упитанный, уверенный. Странно это всё.

Ещё этот новый зам. объявился – Осман Минасов. Нет, поймите меня правильно – я убеждённый интернационалист, в СССР вырос. У самого мать из Салехарда – ей я физиономией скуластой обязан, а отец из Западной Украины – ему я фамилией своей, Поркуян, должен быть благодарен. Самого всю жизнь за армянина принимают, да и Паша Гольдштейн – мой лучший друг с института – не разлей вода.

Оба мы в Москву из Владика приехали, в один вуз поступили. Институт не простой был – чуть ли не лучший техническое учебное заведение в стране. Только вот не выучились. Всё в жизни изменилось, не до инженеров было. Так что, не закончили мы его на пару. Конечно, потом, высшее получили, да ещё и МВА в гарвардской школе бизнеса. Глупость, конечно, по нынешним временам – чистый понт, но тогда для дела надо было, кто бы двум пацанам без образования кредиты на оборотку выдавал.

А тогда мы с Пашкой в одной комнате в общежитии жили. Всё общее было, до сих пор всё общее! Даже Маринка сначала моей женой была, а потом к нему ушла. Да и хрен с ней! У нас уже всё закончилось, а через год у неё с Пашей началось – точно знаю, ящик Курвуазье тогда с ним выпили – неделю не просыхали. Сам ко мне пришёл. По-другому не мог. Спросил, что ему делать. А я-то что способен был сказать-то... В общем, даже не друг он мне – брат.

Хотя Маринка потом и от него ушла, дальше пошла искать свой идеал. Нет, баба она хорошая, красивая, добрая, образованная, даже, наверное, умная, но вот только мы с Пашей не для неё. Ей мужик нужен, чтобы рядом с ней, чтоб она им управляла, нервы ему мотала. Что б он её по клубам водил и развлекал на полную катушку. А вот мы носимся по городам и весям, всё бизнес делаем. А отдохнуть семьёй хотим, да тихо на берегу моря, чтоб гомон толпы и вспышки фотоаппаратов не давили, когда её по клубам да театрам водить-то? А ей вот эта мишура нужна, а семья потом. Понял я это быстро, а и не любил её на самом деле никогда. Ну и ладно.

А Паша ей показался более покладистым: видок у него наивный – лысеющий блондин с растерянными глазами, да и еврейская фамилия без одесской матушки – сейчас и в оборот возьмёт. Только вот глаза у него были растерянные оттого, что очки всю жизнь стеснялся

носить. Потом он операцию сделал, и жёсткость в них появилась – прямо стальная. А еврейская фамилия... Любили мы с Пашкой и его папашей поржать над этим.

Немецкая фамилия у него, от предков досталась, ещё в прошлом веке они на Дальний Восток попали как польские ссыльные, да так и остались. И от еврейских предков у Пашки только бабуля, да и та – Гаяне Ефимовна. Железная бабуля, кстати. Революционное дитя красного комиссара Ефима Грассмана и комсомолки Ануш Осипян. Прадед погиб ещё в двадцатых, семёновцы его умучили, а Ануш Ашотовна дочку и двух её братишек вырастила одна. В войну и бабушка Ануш и братья её полегли. Про прабабушку Пашка мне много рассказывал, легендарная дама была, ничего не боялась, военным врачом была, её поезд разбомбили.

А бабушка его папу коммунистом вырастила. Только когда всё рушится начало, сжал Гольдштейн-старший зубы и детей с внуками поднимать начал, хоть и как выпьет, всё проклинал тех, кто родину и идеалы предал... Да...

В институте, ещё на третьем курсе, вместе с Пашкой начали компы таскать с Японии – связи моего бати и Гольдштейна-старшего. Мой папаня, царствие ему небесное, генералом погранслужбы в отставку вышел – у него все во Владике друзья были. Тогда только ленивый контрабас не возил, ну я туда же – жить-то надо было, а Паша тоже человек не последний – у него батя во Владивостоке зам. крайисполкома сидел, при позициях и остался.

Раскрутились. Большой бизнес построили – магазины по всей России-матушке. Паша первый всегда, ему это сильно нравилось. Юридически у него и контрольный пакет бизнеса и директор он, а я так – акционер, серый кардинал и старший по работе с людьми, магазинам, а Пашино дело – закупки и крыша. Крыша у нас хорошая, центральная – люди правильные. Денег не просили, услуги – да, и регулярно. Чего надо по миру тихо провести, здесь людей пристроить.

Нормально всё было. А тут что-то этот недоармянин объявился с полномочиями. Вот не пойму, как у армянина имя Осман может быть. Я спросил, он что-то про маму забормотал. Да и вообще – мутный он какой-то. Что делает неясно, лезет в каждую дырку, мешает. Полномочия притащил, заверенные нашим консулом в Гамбурге, объяснений никаких не было.

Нет, ну дурак он явно – в этом деле вообще ничего не понимает, людей только обижать и прессовать умеет, с арендодателями ссорится, с поставщиками. Куда лезет не пойму, кто такой и с какого перепуга он к нам приплыл – непонятно, а Паша всё – так надо, не по телефону, лично всё расскажу, держись Игорь. Я с юристами нашими поговорил, они, естественно, ко мне пришли сначала. Минасов указания даёт, они их исполняют, но аккуратно. Чтобы и я всё исправить успеваю. Я и успеваю. А вот как успеваю – не пойму.

Муть. Вот мечусь как сумасшедший. Тоже день в одном городе, на следующий в другом: персонал успокоить, арендодателей, партнёров убедить, что всё у нас нормально, на новые документы юристам информацию дать, проверить, подписать...

В главном офисе не допустить Минасову всё в бардак превратить – тоже не оставишь без контроля. Что этот балбес лезет? Зачем Паша ему это разрешил? Что происходит-то? Одни вопросы, а ответов нет, и персоналу о том, что у меня ответов нет, – сообщать нельзя. Вот и верчусь, вот и психую.

Хорошо то, что финансисты удар держат, этому новому заместителю воли не дают, а он явно хочет. Нутром чую, что хочет поживиться как следует. Ох, Паша-Паша – пустил ты козла в огород.

– Приехали! – это мне таксист говорит.

– Да-да, конечно! – здесь пробка, и к областному правительству прямо сейчас не подъедешь. Лучше просто через дорогу перейти – собирался я в местное министерство торговли заглянуть. Ведь отношения поддерживать надо, там ждут уже. Опять принёсся неожиданно, не предупредил местный филиал, и они машину не успели подогнать. На такси поехал – некогда, быстрее быстрее!

И как я его не заметил! Только на нервы и усталость списать могу. Он на красный проскочить на своём чёрном с отливом Мерседесе захотел, а я тут как тут – раньше всех на переходе. Ох, и отпрыгнуть не успел – не заметил его совсем. Ах!

Ничего не помню, боли не было – увидел капот сбоку, успел подумать об усталости, пожалел, что не успеваю отпрыгнуть, и всё. Темнота! Потом свет, яркий, глаза режет до головной боли. Ох, какая мучка, как вступило в башку-то! Застонал, а голоса-то толком нет, какой-то писк тонкий. Снова темнота.

Открыл опять глаза, уже не так ярко, свет какой-то дёрганный и сбоку откуда-то. Больно, Глаза режет сильно, в горле словно ёршик застрял, голова болит. Где я? Всё списал на сотрясение мозга, дикую усталость и прочие неизвестные травмы. Только захрипел. Здесь ко мне женщина какая-то метнулась, дышит тяжело – дородная очень явно, глаза открыть не могу – больно, только дыхание слышу и запах ощущаю. Странный запах – дама в возрасте, моется редко, и полынью, что ли, от неё несёт.

– Уж ты, бедненький мой, очнулся? – и бормочет чего-то неразличимо.

– Пить! – только и тяну. Пусть голос и хриплый, каркаю как ворона, но не мой это голос! Вообще, не мой – слова еле выговариваю, и голосок тоненький. Божечки, что это?

Но в рот уже льётся какой-то травяной настой, горлу легче, а голова уплывает...

Опять очнулся, первая мысль через боль: «Где Пашка?». Подвёл я нас, как неудачно-то всё. Он-то, наверное, уже где-то рядом. Хриплю-пищу: «Павел!». Глаза не открываются, слиплись, режет, голова болит так, что мысли путаются, и не понимаю толком ничего. И рук ног не чувствую.

А ко мне опять пыхтит эта странная сиделка: «Да-да Павел Петрович, да-да!». И льёт свою настойку мне в раскрытый пересохший рот. Последняя мысль перед провалом в беспамятство: «Почему Петрович-то, Пашка всю жизнь Владимировичем был...».

Глаза открыл, будто только через неделю, до этого спал и спал. Просыпался раз десять, снова тётка заливала свою микстуру, и я отключался. Только понял, что что-то совсем не так. Вот совсем. Руками-ногами пошевелить слишком тяжело было, и нормально хоть слово сказать не выходило – только писк.

Когда глаза открыл, то увидел потолок с росписью. Представляете с росписью! Что это за больничка? Или Пашка меня в какой-то особняк пристроил, и врачи меня здесь собирают? Чудно. Смотрю прямо на потолок, на нём вижу едва освещённую голую девицу с кувшином и виноградом, глазами пошевелить больно и через секунд десять только до меня доходит: мерцающий свет – он от свечей! Вот здесь я как дёрнусь, голова набок повернулась, господи, да что это? И опять дикая боль, на сей раз без лекарства отрубился.

А вот когда очнулся в следующий раз, вспомнил, что увидел – около кровати за столиком с канделябром и свечами дремала дама лет пятидесяти в платье, которое в наше время нормальный человек просто так не оденет. Я такое платье только в музеях видел, да ещё в Петергофе разок был, там дама в подобном облачении фотографировалась с туристами.

И свечи... «Где я?». Это я сказать попытался. И вышел уже не такой хриплый, но всё-таки писк. Не мой голос точно. Каким-то диким напряжением я подтянул руку к лицу и увидел, что она детская, малюсенькая и несколько красных пятнышек на ней. Всё, на сегодня кино закончилось, опять сознание покинуло меня.

Итак, я ребёнок. Маленький ребёнок: ручка прямо-таки кукольная. Что происходит-то? Где я? Кто я? На бред списать как-то не выходит, слишком уж сознание чёткое было. Хотя кто его знает, может всё-таки мозг повреждён и различить навь и явь не в состоянии? Будем разбираться.

Это я уже думаю, снова очнувшись и не спеша открывать глаза – бог его знает, что я там ещё увижу, вдруг инопланетян-осьминогов или гигантских микробов из мультика-рекламы. Голова уже не так сильно болит, а в глаза словно песка насыпали, а не как раньше – битого

стекла. И так, поднимаю веки, медленно-медленно... Ага, композиция не изменилась: всё так же разрисованный потолок с голой красоткой, свечи в вычурном канделябре, толстая тётка дремлет в кресле. Освещён небольшой круг вокруг сидящей, углы комнаты скрыты во мраке, стены покрыты тканями, окон не видно, толи нет совсем, то ли где-то на стенах задрапированы.

Опять медленно тяну руку к лицу. Малюсенькая ручонка, пятна какие-то красные на ней, но уже меньше, чем в прошлый раз увидел. Ребёнок, однозначно. Похоже не бред, посмотрим дальше. Аккуратно, сберегая горло, пишу: «Пить!».

Голос-то детский. Сколько же мне лет? Коли говорю, значит уже не совсем младенец – года два-три?

Сиделка вскочила, спит точно вполглаза, хватается опять кувшин со стола, стакан – точнее, бокал на ножке, явно дорогущий, вроде хрустальный и ко мне. А я её притормаживаю: «Воды, пожалуйста!» – и так ручонкой отталкиваю настой. Спать сейчас рано, надо хоть как разобраться, что происходит.

Моё мнение здесь значение имеет, та метнулась в один из тёмных углов и притащила другой кувшинчик – компотик какой-то, горло хорошо промочило. Говорить стало легче, да и головная боль как-то уменьшилась. Теперь дальше: «Зеркало!» – уже отчётливей выговариваю.

– Ой, господи, Павел Петрович! Не страшись, оспа личико почти не задела!

Эвон как, значит, я Павел Петрович и болел оспой: «Зеркало!» – я упрямый.

Охая, сиделка мелкими шашками выскочила из комнаты, на секунду осветился дверной проём, скрытый за драпировкой, и показалось, что я заметил контур мужской фигуры в какой-то форме и со странной головой. А! Треуголка, похоже. Про такие шляпы я помню только из детства – фильм Пётр I. Но делать выводы пока преждевременно.

Двери снова распахнулись, и в комнату влетела целая делегация, одетая ещё вычурнее и явно богаче, самой тётки в этой толпе не было. Зато были ещё одна дама лет пятидесяти, три девицы лет двадцати и двое мужчин среднего возраста, плюс один молодой.

Это они, за дверями дежурили, что ли?

Одна девица вела себя слишком нервно, уставилась на меня, не отрывая взора и даже, похоже не моргая. Она, видно, еле сдерживала всхлипы, к ней я сразу почувствовал явную приязнь, и тёплое ощущение зашевелилось в моей груди. Похоже, это моя мать – медленно проплыло в голове. Остальные посетители смотрели скорее не на меня, а на представительную даму, вошедшую первой.

– Очнулся? – эта женщина заговорила, голос у неё был властный и сильный. Она явно была главной в этом обществе.

В ответ я решил слабо пискнуть, ибо не понимал, кто это ко мне явился и как следует себя вести.

– Алексей Григорьевич, что думаешь? – дама говорила так, будто отдавала приказание.

Мужчина постарше дёрнул уголком рта и ответил:

– Елизавета Петровна, думаю ему явно лучше. Кондоиди говорит, что опасности уже нет, струпы отпали.

И теперь ко мне:

– Павел Петрович, как Вы себя чувствуете?

– Голова болит. – мой голос звучал тоненько, жалобно и крайне неуверенно, что было следствием не только моего желания не допустить ошибки в общении, но и всё-таки явно крайне небольшого возраста тела, в котором я прибывал.

– Ха, передай своему медикусу – его счастье, что последнего потомка Петра великого не загубил – пусть в церковь ходит и благодарственный молебен закажет. Екатерина Алексеевна! – дама взглядом дала разрешение молодой женщине, которую я предварительно определил как мать.

Та бросилась ко мне, уже не удерживая всхлипов, прижалась целуя. Я в ответ слабо обнял её: «Мама!» – тихо шептал это слово, повторяя и повторяя его снова. Тепло пришло ко мне, стало радостно и уютно, даже голова начала болеть явно меньше.

Наше единение прервал строгий голос старшей дамы:

– А где муж ваш, Екатерина Алексеевна? Где племянник мой? Где он? – при каждом вопросе голос становился всё жёстче и жёстче.

– Ваше Величество! – оп-па, так она королева или царица? – Пётр Фёдорович занят военными учениями и... – Закончить свои объяснения ей не удалось, так как её прервал мужчина помоложе:

– В солдатики играет! – с такой усмешкой он это сказал, что стало очевидно его отношение к моему, видимо, отцу.

– В солдатики?! – голос её Величества пахнул таким гневом, что даже по моему телу побежали мурашки, – В солдатики, когда его единственный сын при смерти?

Две пока молчавшие девицы тут же затрещали, осуждая его поведение, называя его бездельником и трутнем.

– Ко мне его – прошипела дама и резко вышла из комнаты, с ней вышли все, кроме мамы и Алексея Григорьевича, который подошёл ко мне, потрепал меня по волосам и ласково спросил:

– Хочешь чего?

Я в ответ помотал головой, боль в которой резко усилилась и, слабо улыбнувшись, сказал

– Спасибо!

Тот снова ласково усмехнулся:

– Ну, выздоравливай, наследник, выздоравливай! – и тоже быстро вышел.

Я прижался к маме и закрыл глаза.

Итак, разобрались – я Павел, будущий Павел I, тот самый бедный, бедный Павел ¹ и творец подпоручика Куже², неудачливый наследник Екатерины Великой³, убитый заговорщиками во главе с сыном своим Александром и недолгий магистр Мальтийского ордена – вот собственно всё, что я знал о себе новом из своего прошлого. Та, строгая дама – Елизавета Петровна⁴ – Российская императрица, мама моя – здесь всё понятно, пожилой дядька – Разумовский⁵, бывший фаворит и доверенное лицо императрицы, а тот, что помоложе – фаворит нынешний Иван Шувалов⁶. А тётка, что поила меня отварами – нянька моя – Мавра.

Мне всего два года, я заболел и по тем временам страшно – оспой, и меня уже не чаяли увидеть в живых. Видимо, вот тогда-то и стал я Павлом Петровичем, вместо этого несчастного ребёнка. Что же, карты розданы – извольте играть...

В таком раннем возрасте делать что-то существенное – вообще крайне глупо, с другой стороны, у меня немаленький временной лаг есть. Насколько помню, Екатерина правила долго и успешно, а у нас на престоле ещё Елизавета, так что впереди много времени на анализ ситуации и решение. Не любитель я совершать скоропалительные действия без знания обстановки... Так что первая задача выжить и получить хорошие стартовые позиции.

Маму мою ко мне пускали нечасто, чаще я видел тётушку Елизавету Петровну, Алексея Григорьевича и лейб-доктора Кондоиди⁷. Я спрашивал маму, может ли она заходить ко мне

¹ «Бедный, бедный Павел» – кинофильм 2003 г. режиссера Павла Мельникова, с Виктором Сухоруковым в главной роли.

² Подпоручик Куже – персонаж исторического анекдота и одноименной повести Ю. Гынянова.

³ Екатерина II Великая (1729-1796) – русская императрица, урожденная София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская

⁴ Елизавета Петровна (1709-1761) – русская императрица из династии Романовых.

⁵ Разумовский Алексей Григорьевич (1709-1771) – фаворит и супруг императрицы Елизаветы Петровны, граф.

⁶ Шувалов Иван Иванович (1727-1797) – фаворит императрицы Елизаветы Петровны.

⁷ Кондоиди Павел Захарович (1710-1760) – лейб-медик, основоположник медицинского обеспечения в России.

почаще, но та плача шептала мне, что Елизавета Петровна против. М-да – дурацкая ситуация и мне она не нравилась, но как-то повлиять на неё я пока не мог.

Болезнь я перенёс без внешних радикальных последствий, на лице осталось пару шербин, да, и всё. Чувствовал себя пока слабеньким, но, в общем, это к лучшему, ибо объясняло мои изменения в поведении. Оказывается, меня учили говорить сразу и на русском, и на французском – мода нынче такая. А вот французского-то в прошлой своей жизни я никогда и не учил. Так что пришлось симулировать проблемы с памятью. Я старался говорить мало, чтобы случайно не блеснуть владением языком родных осин на нехарактерном для двухлетнего малыша уровне, и больше слушал.

Ребёнок в моей душе очень страдал без матери, а взрослый без информации – не учили меня пока ничему, кроме как, говорить на двух языках, видимо, считали, что я слишком мал, да и правильно, наверное. Отец меня тоже посещал, но ощущение от его визитов у меня было скорее отрицательное – он был постоянно нетрезв и от этого слишком весел и игрив. Для ребёнка это скорее бы подошло, я ведь хорошо помнил, что моим любимым родственником в детстве был дядя Слава – папин двоюродный брат, работавший на Камчатке боцманом на краболовном траулере – вечно пьяный и весёлый мужик. Но вот, повзрослев, я его терпеть не мог, алкоголя тупого.

Да и вообще, люди пропивавшие соображение или активно к этому стремившиеся вызывали у меня стойкую неприязнь. Здесь и жизнь бизнесмена, конечно, свою роль сыграла – пить серьёзно для крупного дельца – это прямой путь потерять всё. Но всё-таки, превращение моего любимого дядьки Славы, который в связи с тем, что служба отца проходила исключительно на Дальнем Востоке, бывал у нас очень часто, в опустившегося краснорожего упыря, слишком сильно на мне отразилась.

Нет, ханжой я никогда не был, выпить любил, но пить хоть сколь-нибудь часто... Да нет, в жизни я всего два раза я крепко пил. Первый раз, когда мои родители погибли в странной автокатастрофе – после этого мы и познакомились с нашими кураторами. Я пил неделю, не мог смириться со смертью любимых людей, ещё очень активных и очень близких – я гордился ими, а они мной...

Пашка тогда пил за упокой моих со мной. У него тоже в то время мать умерла, рак её сожрал всего за две недели, ничего даже сделать не успели. Он сначала держался, а потом, через полтора месяца после похорон его мамы, состоялись похороны моих и он тоже не выдержал, сорвался.

Мы уже приходили в себя, оба напились до упора, и хотелось это остановить. Когда пришёл седой как лунь – разом, за пару дней, поседел после смерти жены – Пашкин отец, Владимир Виленович.

– Напились, парубки? Больше не хотите? – он спросил с каким-то мрачным весельем.

– Напились, дядя Володь!

– Да, пап!

– Ну, хорошо. Тогда давайте приводите себя в порядок, поедем...

– Куда, пап?

– Там узнаете! – и он опять улыбнулся.

И отвёз нас, протрезвевших, но мрачных и нездоровых в пригород, к частному дому, очень кстати неплохому для 90-х годов в Приморье. У ворот нас троих встретил молчаливый человек и провёл в беседку, где горел очаг и ждали нас двое мужчин средних лет с незапоминающимися лицами.

– Степан, Игорь. – представил нам их Владимир Владиленович.

Они, похоже, нас знали.

Тот, которого называли Степаном, молча кивнул нам, достал бутылку армянского коньяка, на коей всяких медалей было больше, чем у Брежнева, пять рюмок, разлил и произнёс:

– За упокой душ, новопреставленных Виктора Петровича и Светланы Александровны. Мы выпили. Игорь – тот второй мужчина – сказал тихо:

– Эх, Витек-Витек...

– Вы знали моего папу?

– Да и маму тоже... Вот только вот батя твой слишком уж смелый был и принципиальный... Стыдно ему, похоже, было подойти – поделиться...

– Поделиться? Что? Чем? – вопросы сыпались из меня, как из прохудившегося мешка, но меня никто не останавливал. Степан, разлил ещё по одной и убрал опустевшую бутылку. Выпили молча.

– Моих убили?

– Да! Хочешь знать кто?

– Да, хочу!

– И что ты сделаешь, Коля?

Я... Да, а что мог сделать им? Тем, что убили моих родителей так, что все посчитали их смерть несчастным случаем. Разум и выпитый коньяк заставил меня остановить разгоравшуюся внутреннюю истерику.

– Расскажите мне, пожалуйста, об этой истории...

Мы разговаривали часа два. Явно непростые люди, хорошо знавшие, как оказалось, моих родителей, обстоятельства нашей с Пашкой жизни и работы, вообще так много знавшие, что я не понимал, как же я их не встречал раньше, рассказали мне, наверное, всё...

Как мой батя, смелый и резкий, начал конфликтовать с русско-японской мафией, вызвавшей с просторов когда-то великой страны всё, до чего только могли дотянуться, начиная с крабов и заканчивая ядерными технологиями. Как тем это надоело, и как его и мою мать просто убили, чётко намекнув остальным, что мешать этому бизнесу не стоит...

Я знал своего папу, могучего и громогласного, громовержца и душу компании, ничего и никогда не боявшегося. Любившего Дальний Восток и нас с мамой, всегда отказывавшегося от переводов в Москву... Знал. Он действительно обратился бы за помощью только в самом конце, только от полной безысходности. И на этом сыграли...

– Что ты хочешь? – спросил меня Игорь

– Отомстить, конечно!

– Как отомстить?

Конечно, я хотел рвать их зубами, убить всех, кто причастен к смерти моих... Но разум твердил, что не этого от меня ждут.

– Наказать, чтобы они знали, за что, и чтобы никому потом так поступать неповадно было.

– Хорошо сформулировал, разумно.

– А ты? – это он к Пашке.

– Я как Колька! Я всегда с ним!

После этого мы и начали работать вместе. Та мафия, крышуемая японцами, была публично наказана и ликвидирована. Убийца моих погиб при побеге из колонии, заказчики тоже сгинули при разных обстоятельствах, а моим родителям во Владике памятник открыли хоть и небольшой, но...

М-да... А второй раз напился я тогда с Пашкой, по поводу Маринки. Он же больше всего боялся, что дружба наша развалится... Даже Маринка ему не столь важна была, нет – интересна, но...

Эх, воспоминания... Прошедшее и исчезнувшее... Теперь всё это типа сказки, всё изменилось настолько кардинально, что даже и не расскажешь никому, но вот опыт...

Да. Так что, с Петром Фёдоровичем у меня отношения не сложились. Да и не хотелось: память-то напоминала про Екатерину Великую, а не про мужа её. А вот к матери тянутся меня

заставляли и инстинкты ребёнка, и разум много повидавшего мужчины. Мальчонке нужна была мама, а взрослый хотел поставить на победителя.

Пока я был очень слаб, то мог только присматриваться к окружающим людям и обстоятельствам. Понял, что я очень важен. Я действительный наследник! То есть Елизавета не рассматривает моего папашу в качестве преемника вообще, пусть он и её родной племянник от любимой сестры Анны. Ну, никак не рассматривает! Его поведение во время моей болезни ещё больше её в этом убедило – отец пьянствовал, тискал свою любовницу и игрался в солдатики. Во временном дворце на Мойке, где я лежал он и не появлялся, хотя и должен был, нарушая тем самым даже приказ самой императрицы.

А вот моя мама вызывала у императрицы ревность. Нет, ну настоящая ревность пожилой особы к молодой красавице, да ещё неглупой очень. Вот и старалась Елизавета Петровна отбить у неё единственного пока мужчину, который значит для неё много – меня... У самой, на самом-то деле, не времени, ни любви на меня уже не хватает. Младшей дочери Петра Великого исполнилось всего 47 лет, но выглядела она лет на 55 – уж выпить и поразвлекаться безо всякой меры она любила с самого юного возраста.

С психикой снова начались неприятности, как в том, ещё старом, мире, до попадания под машину. Кошмары, срывы, истерики – это было даже хуже, чем было. Там я хоть как-то контролировал свои чувства, а здесь я явно терял контроль над ситуацией. Я искал причину и понял: плохо было мне, ребёнку двух лет, без материнской любви. Да и отдаляться от матушки мне взрослому, уже сильно за сорок, тоже претило. Екатерина усилила свои позиции около меня исключительно правильным поведением во время моей болезни – она сидела безвылазно во дворце, пьянству и разврату не предавалась, общалась только с духовником и парой подруг, толком и не спала даже – беспокоилась за меня. Но не настолько, чтобы получить все материнские права, наши встречи наедине были запрещены, а в присутствии императрицы допускались всего два раза в месяц, с тех пор как я очнулся.

Надо что-то делать... Я подумал: «А что самое естественное? Сбежать к ней! Но так, чтобы не вызвать подозрений, что это устроила именно мама». Исходя из данных предпосылок, я подобрал момент, когда точно знал, что Екатерина приехала во временный дворец на визит к императрице, и утёк к ней.

Скандал был знатный. Возможный наследник пропал и обнаружился в приёмной императрицы, когда вбежал туда с криком «Мама-мама!» и прижался к потрясённой Екатерине. Оторвали, императрица накричала на меня и нянек, и утащили в комнаты.

Второй раз уже гнев был меньше с элементами раздумья. А в третий раз, меня уже через час отвели к императрице на разговор. Елизавета Петровна давно порвала с Разумовским и жила с Шуваловым. Но в сложных случаях она всегда прибегала к хитрости и разуму своего бывшего фаворита, а по слухам, и мужа. Так что, меня на разговор ждали двое.

– Павел Петрович, как назвать Ваше поведение? – строго спросила императрица.

– Тётушка Елизавета Петровна! – даже мне самому тоненький, неуверенный детский голосок и смешной выговор букв показался трогательным, – Я к мамочке хочу!

– Алексей Григорьевич, вы что думаете?

Разумовский откашлялся и красивым, певучим голосом с небольшим хекающим говором произнёс:

– Матушка! Я своим простым разумом что мыслю: даже телёнок к матери рвётся, а уж ребёнок так завсегда.

– Эка как ты, Алексей заговорил.

– Ну, матушка, ты же правды хочешь. А так, как скажешь, государыня, я весь твой.

– Тётушка! – здесь уж я жалобно подключился. Слезы на глазах.

– Все вон пошли! Думать буду. – я низко поклонился и засеменял к выходу.

За дверью меня догнал Разумовский, ласково погладил меня по голове:

– Не плачь, малыш! Всё будет хорошо! – на душе потеплело, – Глядишь, и получится всё...

Глава 2.

Видеться теперь с мамой мы могли два раза в неделю по часу. Немного, но без присмотра! Психике явно стало легче, приступы истерик закончились, мне удалось взять тело под контроль. Я понял, как правильно говорить и реагировать на раздражители, в общем, и объективно, и субъективно ожил. Все успокоились и всё, в общем, устаканилось.

А ещё у меня установились очень тёплые отношения с Алексеем Григорьевичем Разумовским. Он действительно хорошо ко мне относился. Возможно, почти пятидесятилетний, бездетный, официально неженатый мужчина видел во мне неродившегося сына. Завести свою семью, при живой императрице, ему было не суждено – она считала его личной собственностью – даже любовницу для него завести и то было чревато. В общем, я нашёл себе и кого-то вроде отца, с кем можно было поговорить, иногда просто поплакаться – ребёнку оказалось столько нужно!

Между тем, страна воевала с Пруссией⁸. Расспросы о войне нормального результата не давали – кто с ребёнком серьёзно будет говорить! Но началось явно что-то нервное и страшное – все очень волновались. А мне требовалась информация, много я её усвоить не мог, но всё равно она мне была нужна, хоть какая.

Учителя мне по возрасту не полагалось, только няньки. А они – в общем, обычные тётки и из русских деревень и из французских провинций. С этим тоже что-то надо было делать. Нет, вундеркиндом я себя объявлять не собирался: то, что будет в этом случае с психикой малолетнего возможного наследника, волновало меня очень и очень. Но вот новой информации мне не хватало остро.

Я пытался стянуть библию – хоть алфавит современный узнать да и почитать немного, но оказалось, что это дефицит. А мои няньки, похоже, даже букв не знали или не испытывали желания демонстрировать сей навык. Только Марфа – та, что ухаживала за мной во время болезни. Она и Писание мне на память читала и ласковая была, такая чуть туповатая, но очень добрая и доверчивая женщина.

Что же делать? Учиться, ну действительно рано, мне чуть больше двух лет. Никак нельзя! При нынешнем уровне образования, кроме устойчивых психозов, ничего я себе не получу.

Надо с кем-то разговаривать, получать информацию без давления. Священник отпадает – почти наверняка начнёт грузить, а сменить его будет нереально. Так, хорошо бы найти умную няньку. Значит, надо попробовать найти кого-то поумнее. Может, новую воспитательницу. Как здесь это делается? Ведь изображать конфликты с этими дамами опасно для них самих – не факт, что моих мамок не сошлют куда-нибудь в тартарары.

Значит, необходимо кого-то об этом попросить. А кого я знаю, кроме нянек и первых лиц... Обратится к матери? Чревато, могу тем самым подставить перед императрицей. К Разумовскому⁹? Так он, в общем, не сильно образован... Сложно объяснить ему, что мне нужна информация, но я пытался, но как-то нужного эффекта не было. Сказки тот мне рассказывать начал. Нет, сказки действительно замечательные и рассказывать у него выходило прекрасно, но это не то. Так что, вариантов не было – придётся просить Елизавету Петровну.

Ох, страшно, она Императрица, именно так – с большой буквы, мечет громы и молнии, карает нечестивых, и всё такое. Ну и что? У меня папа был в прошлой жизни – целый генерал! Вот он молнии так метал – искры летели наяву. А здесь – немолодая женщина, переживу как-то её гнев, только его надо на себя перевести.

⁸ Семилетняя война (1756-1763) – крупный военный конфликт между европейскими державами.

⁹ Граф Алексей Григорьевич Разумовский происходил из днепровских казаков, был певчим придворного хора.

Марфа Лужина была девицей. Уж сорок годков давно миновало, а не замужем. Так уж сложилась у неё жизнь. Папенька у Марфы был целым поручиком, во Владимирском полку служил. Маменька с нею и братцем Петенькой жила во Владимире, в собственном доме. Что сказать хорошо жили, весело.

Папенька приедет домой, подарки привезёт, радости столько было. Маменька сказки рассказывала им с братцем, потом наставляла Библию читать, да ещё и по-немецки говорить обучала – она в девицах фамилию Лерман носила, из самой Риги была родом. Папенька её в жены взял, когда в той Риге служил.

Больше всего на свете Марфа любила Масленицу. В детстве папа всегда на Масленицу приезжал домой, все вместе ходили на игрища. Как же здорово было увидеть, как мужик с медведем борется! А блины с икрой! А на санках по ледяным горкам с маменькой, папенькой и братцем! Ой, хорошо было: братец смеётся весло так, папенька на маменьку смотрит так нежно, любяще, а она вся розовеет под его взглядом...

А потом папенька уехал в мешёрские деревни подавлять бунт крестьян. И не вернулся, уже никогда... Маменька долго плакала, потом начала продавать папенькины вещи. Потом и они кончились. Их выгнали из дома. Как страшно и голодно было, и вспоминать больно. Они все пошли к папенькиной родне в деревеньку Матвеев посад, что около Венева. Осенью в жуткий дождь братец заболел и, не доходя до Венева, умер. Маменька так плакала.

А родные папеньки не приняли их, прогнали. И маменька повела её в Ригу к своим родным. Да только не дошли они – умерла маменька. Хорошо, добрые люди поняли, что Марфа девочка из дворян и отдали её в монастырь.

Там мать-настоятельница была ну очень строгая, била Марфу каждый день. Всегда говорила Марфе, что та плохо учит писание или французский язык, которая настоятельница знала в совершенстве. Бывало, пищи лишала, заставляла в часовне на коленях молиться по несколько дней.

Марфа прожила там немного лет, не выдержала и сбежала оттуда в конце концов. С тех пор монастырей боялась, когда на богомолье надо было, плакала и пряталась, лишь бы не ехать. А тогда, до Москвы добралась: где пешком, где подвёз кто. Рядом с Москвой странную монашку увидела Мария Ивановна Салтыкова, спросила кто она, та и ответила. Прознала барыня, что Марфа-то писание знает, что на трёх языках говорить и писать может, и стала Марфа её деток учить.

Так и повелось, Марфа деток учит и за ними приглядывает. Ох, и разные барыни попадались, некоторые и розгами секли, а которые и пряниками угощали. Только вот медведя с мужиком больше никогда не видела...

И вот, барыня Анна Васильевна Бужина рекомендовала Марфу в няньки для Павла Петровича, Петра Великого правнучка. Вот теперь она у него в няньках. Детки-то тоже очень разные бывают, а вот Павел Петрович хороший мальчик. С ней, старой, на разных языках разговаривает, писание просит читать ему и не обижает, жалеет.

Только вот с утра странно себя ведёт, как оспой, сердешный, переболел, так вскочит с самого ранья и давай вокруг дворца бегать, дождь ли снег – бежит, потом руками-ногами так странно машет. Из железа ему штуки какие-то отковали – гантели называются, ими машет. Поперву, она беспокоилась, не заболел ли он снова, но доктор Кондоиди сказал, что мальчик, словно юный спартаец, занимается гимнастикой. Кто такой этот спартаец-то? Но коли не заболел, так хорошо.

А потом, вот как в детстве на Масленицу на игрище видела – обливается холодной водой. Ладно, в жару летнюю, а вот в мороз – страшно ей, но её Павлуша только смеётся над ней, но ласково так. А на эту Масленицу он её повёз с собой, и она увидела снова, как медведь с мужиком борется. Заплакала она, а он её по голове гладил и Марфушею называл. Как папенька тогда...

Что же, попробовал я с императрицей поговорить – получилось. Не стала она моих нянек наказывать, просто велела своей подруге – Анне Воронцовой, заходить ко мне и разговаривать о жизни. И это её решение оказалось для меня очень удачным – Воронцова была чрезвычайно умной женщиной и при этом действительно любила детей. И очень важно, что она, урождённая Скавронская, была двоюродной сестрой императрицы – племянницей её матери, императрицы Екатерины Алексеевны, да ещё и супругой канцлера империи.

Я быстро приучился называть её тётушкой Анной и получать удовольствие от общения с ней. Информация пошла широким потоком – я нашёл свой баланс. Сколько нового я узнавал об этом мире.

Летом наша армия под командованием старого лиса Апраксина¹⁰ вступила на территорию Пруссии, угрожая королю Фридриху II, снимая давление с изнемогающей Австрию и разтерзанной Саксонии. У Гросс-Егерсдорфа Апраксин победил пруссаков, но потом начались непонятные манёвры, которые легко оказалось связать с самочувствием Елизаветы Петровны.

Оно резко ухудшилось, тётушка действительно была при смерти и интриги при дворе вышли на невиданный до сих пор уровень. Апраксин под влиянием своего лучшего друга – канцлера Бестужева¹¹, вместо того, чтобы добивать пруссаков, рванул со своей армией домой. Бестужев явно готовил захват власти под регентством моей мамы, но вот, судя по нашим с ней разговорам, она об этом догадывалась, но прямо в самом процессе не участвовала.

Папочка¹² понимал, что при таком раскладе он сойдёт со сцены, уступая позиции формально моей маме, а фактически – канцлеру, и отчаянно строил козни против заговора. Котёл с интригами кипел и булькал.

Но императрица внезапно выздоровела и отреагировала на происходящее в своём стиле – рубить головы, как её отец – Пётр I – она не рубила, дала обет, но повела себя круто. Не особо разбираясь, арестовала Апраксина, Бестужева, всё окружение мамы. Я, конечно, пытался защитить Екатерину, плакал, просил о помощи Разумовского, но в действительности повлиять на ситуацию не смог.

Началось следствие. Его вёл лично Александр Иванович Шувалов, глава Тайной канцелярии и доверенное лицо императрицы.

Апраксина запытали до смерти. Говорили, что при его последнем допросе присутствовала сама Елизавета Петровна, которая хотела знать о заговоре всё, и вот то ли сердце у фельдмаршала не выдержало, то ли каты переусердствовали...

Бестужев такой участи избег, он успел сжечь большую часть своего архива, и доказательств против него не было. Однако вскрылись его многочисленные хищения, мздоимства и весьма предосудительная переписка с иностранными послами, из которой, при желании, можно было сделать вывод об организации им заговора. Императрица такое желание имела, но интрига-то была не против неё, поэтому канцлер был просто сослан в собственное поместье под Москвой.

Никто из арестованных на маму показаний не дал. Её окружение, состоявшее из людей гражданских, утончённых, подвергли серьёзному давлению, но никто из них на неё ничего не показал.

Главным свидетелем против неё должен был стать близкий к маме Иван Елагин¹³, который был другом её тогдашнего кавалера и активного адресата переписки Бестужева – Стани-

¹⁰ Апраксин Степан Фёдорович (1702-1758) – русский военачальник, генерал-фельдмаршал.

¹¹ Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693-1766) – русский дипломат и государственный деятель, граф.

¹² Петр III Фёдорович (1728-1762) – русский император, урожденный Карл Петер Ульрих фон Шлезвиг-Гольштейн-Готторп.

¹³ Елагин Иван Перфильевич (1725-1794) – русский государственный деятель, философ, историк, поэт.

слава Понятовского¹⁴, а вот его следствие видело очевидным участником заговора. Но Елагин, утончённый поэт, избалованный сибарит, чудак, который просто должен был всё знать о её участии в заговор, оказавшись под серьёзнейшим давлением следователей, показаний супротив Екатерины не дал, и документов, хоть как-то её изобличающих у него тоже найдено не было.

Так что маму решили подвергнуть допросу. Дознание должно было стать последним средством доказать её виновность в заговоре. Расспрашивать её решила сама императрица. На допросе она давила на неё, требуя признать вину, но мама держалась стойко. Улики и показания, которые хоть как бы свидетельствовали против Екатерины, отсутствовали, и императрица поняла, что мама в заговоре не участвовала.

Противники мамы отступились, и только Пётр Фёдорович по-прежнему пытался активно сжить её со света, требуя для неё всяческих кар и придумывая аргументы в её виновности. Это выглядело настолько мерзко, что сначала Разумовский пытался его остановить, а потом уже сама Елизавета велела Петру замолчать. В общем, дело у отца не выгорело, а для мамы всё-таки всё обошлось без наказания.

В армию назначили Фермора¹⁵, тот захватил восточную Пруссию, а потом направился на Берлин. Однако после неудачной осады Кюстрина и жесточайшего сражения наши войска отступили. Война...

А у нас в столице жизнь текла своим чередом. Я ещё более сблизился с мамой, лишённой своих друзей, высланных из столицы. Мне хотелось быть рядом с ней и хоть чем-то помочь. И я старался поддержать её и сказал:

– Мамочка, я буду с тобой рядом! Всегда буду! Я твой сын и ты на всю жизнь для меня моя любимая мамочка!

– Спасибо, сын! Только ты рядом! – мама плакала, мне тяжело было смотреть на неё сильную и красивую, но такую измученную, и я просто прижался к ней и только и думал передать ей своё тепло, свою поддержку...

Я начал просить у императрицы начать обучать меня, и учитель был мне назначен. Некто Фёдор Бехтеев, который был довольно крупным дипломатом, но, кроме того, имел известность как человек, обучающий племянницу тётушки Анны – Екатерину Воронцову.

Вот странный же тип мне попался. Он, конечно, хочет как лучше, старается, но выходит какой-то кошмар: обучение чтению, письму и счёту с помощью солдатиков, подсадные соученики – типа неграмотные, издание газеты для меня лично. И притом ещё и «сапог» он, как папа мой в прошлой жизни таких персонажей называл. Иначе военный штафирка, который, кроме устава, ничего и не знает.

Мне его, конечно, жалко было, но раздражал меня этот дядька – сил нет. Я же внутри взрослый уже человек, а он со мной как с младенцем. Нет, всё было бы, наверное, правильным, если бы на моём месте был истинный Павел. Но мне настоящему хотелось учиться быстрее, легализовать свои знания и получать новые, набирать авторитет и опыт в этом мире, развиваться, а Бехтеев мне, по сути, мешал. Но тётушка Елизавета, как я её стал называть, менять моего воспитателя категорически не хотела, не слушая ни меня, ни Разумовского, так что пришлось мне смириться с ним, попробовать хоть как-то ускорить своё обучение. Терпеть и терпеть – стараться получить как можно больше от него.

С приходом Бехтеева решили удалить моих нянек, мол, пора учить царевича без женского коллектива вокруг. Кого куда распахать: кого помоложе – в другие семьи, а кого постарше – в монастыри на призрение. Здесь я пошёл просить за свою старую нянюшку Марфу – мона-

¹⁴ Понятовский Станислав II Август (1732-1798) – последний король польский.

¹⁵ Фермор Виллим Виллимович (1702-1771) русский военачальник, генерал-аншеф, граф.

стырь бы она не пережила. Приказ тётки был твёрд, никто против её слова выступать не хотел, пришлось к ней идти.

Странно было, я её прошу о старушке, говорю, как ей тяжело в монастыре будет, что жалко её, что хорошая она, а императрица только смотрит на меня таким долгим-долгим взором и молчит... Так я тогда и не понял, что же она решила, но её действия сказали за себя сами – Марфу оставили при дворце. Мы с ней иногда гуляли по саду, и старушка долго рассказывала мне про своё детство, про папеньку, маменьку и братца Петеньку...

Тем временем в армии Фермор был отстранён от командования. Мало того что он руководил армией не очень удачно, так ещё и провороваться умудрился. Его сменил Салтыков¹⁶, который неожиданно у Кунерсдорфа наголову разгромил самого Фридриха. Король бежал с поля боя и впал в полное отчаянье. Но Елизавета болела всё больше и больше, интриги при дворе множились, а главным претендентом на престол оставался всё ещё, испытывающий к прусскому королю самые тёплые чувства, Пётр Фёдорович.

Боясь того, что, в случае внезапной смерти императрицы, победитель Пруссии окажется в числе первейших недругов нового государя, Салтыков начал вилять, перессорился с союзниками и отступил. После чего был заменён на Бутурлина¹⁷, который повёл себя ещё хитрее и от серьёзных боевых действий вообще уклонялся.

У меня складывалось впечатление, что власть в государстве как бы зависла, все ждали смерти тётушки, все делали ставки, кто будет ей наследовать и в какие сроки это случится. Мне же больше всего хотелось, чтобы тётушка жила подольше и чтобы она успела отпраздновать победу в войне. Эту викторию она заслужила – войну наша армия фактически уже выиграла и её окончанию мешала только эта мышиная возня.

А Бехтеева внезапно отставили от обязанностей обучать меня. Я уже давно перестал ныть и просить о его замене, так что назначение Никиты Панина¹⁸, скорее всего, было результатом интриг против клана Воронцовых, который неимоверно усилился и уже активно пытался просунуть одну из своих представительниц на место моей мамы. Панин, будучи креатурой Бестужева, был лютым врагом Воронцовых, и его назначение было попыткой уравновесить их влияние.

Вот здесь я понял, как хорош был Бехтеев, ибо Панин был просто фантастический сноб. Видимо, именно так Никита Иванович представлял себе образ аристократа, которому он хотел соответствовать. Простых людей он за людей не считал вообще. Всё, что ему не нравилось, Панин просто пропускал мимо ушей. Кошмар, а не человек. С такими работать я никогда не любил, а приходится. Хотя и на него нашёлся ключик. Он был очень тщеславен и чрезвычайно самоуверен.

В общем, учиться мне стало сложнее, и я начал лить в уши всем, начиная с самого Панина и тётушки Елизаветы, а также всем её приближённым, что хочу заниматься серьёзно и прошу подобрать мне преподавателя с высоким знанием науки. Но эффекта от этого не наблюдалось, пока случайно осенью не случилась огненная забава, повешённая взятию Берлина нашими войсками¹⁹. Фейерверк был неплохой, хотя, конечно, не чета тем, что я видел в старом мире...

Настроение у Михаила Ломоносова²⁰ было безнадежно испорчено. Он в последние годы вообще редко пребывал в оптимистическом расположении духа, а здесь просто... Просто хоте-

¹⁶ Салтыков Пётр Семёнович (1698-1773) русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал, граф.

¹⁷ Бутурлин Александр Борисович (1694-1767) русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал, граф.

¹⁸ Панин Никита Иванович (1718-1783) русский дипломат и государственный деятель, граф.

¹⁹ Взятие Берлина в ходе Семилетней войны русско-австрийскими войсками.

²⁰ Ломоносов Михаил Васильевич (1711-1765) первый крупный русский ученый и администратор.

лось пойти в кабак, напиться до положения риз и набить морду первому попавшемуся немчуре! И он только и думал о том, как он после этого чёртового фейерверка это сделает.

В его жизни это был универсальный способ отвести душу. Проклятые немцы! Нет, к немцам Михаил Васильевич, в принципе, относился хорошо. Ломоносов, безусловно, уважал Христиана Вольфа, своего учителя, человека с которым он с удовольствием обсуждал свои мысли. Он очень любил свою жену Лизу, урождённую Цильх, иначе никогда не связал бы с ней жизнь. Даже лучшим его другом был покойный Рихман...

Но эти проклятые немцы в академии, которые не пускают русских в науку и всячески вставляют палки в колёса лично ему! При содействии своего покровителя Шувалова Ломоносов получил возможность устроить праздничный фейерверк для всего высшего общества Петербурга. Но ведь при входе встретился ему его личный враг Шумахер со своим затем, лица радостные, сияющие и наглые, криво так на него посмотрели и захохотали! Поубивал бы!

Всё зло от них, немчуры проклятой! Ломоносов просто кипел внутри, прохаживаясь между гостей и раздавая дежурные улыбки и поклоны. И здесь к нему подошла сама императрица с маленьким Павлом.

– Вот, Павел Петрович, устроитель сего фейерверка, академик Академии наук Ломоносов Михаил Васильевич! – показала на него племяннику сама императрица.

– Михаил Васильевич! Много слышал про Вас! – заговорил с ним маленький Великий князь. Забавно было смотреть на сего курносого, темноволосого малыша, который с невероятной серьёзностью смотрел снизу вверх на высокорослого академика.

– Ваше Императорское Высочество! – вежливо ответил Ломоносов.

– Я хотел бы поблагодарить Вас за столь роскошную огненную потеху! – продолжал Павел.

– К Вашим услугам, Ваше Высочество! – настроение у Ломоносова не улучшалось, даже после привлечения внимания самых высоких персон.

Императрица со свитой отошла от них, и они остались практически наедине.

– Михаил Васильевич, мне давно очень хотелось поговорить со столь славной персоной в мире науки! Меня давно интересовало, а зачем Вы живёте и мыслите? – вопрос прозвучал настолько внезапно, что Ломоносов даже почувствовал, как на секунду у него остановилось сердце. Всё плохое настроение и все прочие мысли из головы вылетели.

– Ваше Высочество! Не понимаю сути Вашего вопроса, ибо живу по соизволению Божию!

– Я думал, что Вы Михаил Васильевич, будучи человеком просвещённым и умным, должны хотя бы ставить цели своей жизни. Признаться, когда я спрашиваю себя о смысле своего бытия, то вижу только один вариант – забота о России. Но я же будущий русский император и это моё, Богом данное, предназначение. Но и Вы, наверняка видите для себя некий путь? Что это? Забота о науке, о семье, о Родине? Что, Михаил Васильевич?

– Ваше Высочество, положи руку на сердце, я не могу сказать, для чего я живу!

– А вы подумайте, Михаил Васильевич, подумайте! Ибо хотел я простить Вас стать моим наставником в науках, но как принять мне Ваши рассуждения, если не видите Вы для чего это всё? Для могилы? Что от нас останется? Для меня – память и благодарность потомков, а для Вас?

Ломоносова настолько выбил из колеи данный разговор, что он забыл и думать о проклятых немцах, о желании напиться и побить какого-нибудь прохожего, чем он часто и занимался... Академик ушёл с приёма по случаю собственного славного фейерверка и бродил всю ночь по Санкт-Петербургу. Прохожие по привычке шарахались от его фигуры, но на сей раз его не стоило бояться – он думал...

Утром он пришёл домой. Супруга его Елизавета, как обычно, ждала его нетрезвым и злым, но, к своему удивлению, увидела его в глубочайшей задумчивости. Почти всю их совместную жизнь она знала, что время её мужа делится на две части: когда он работает и когда

он пьёт, третьего не дано. А вот сейчас муж её просто был задумчив, но притом он не проводил опыты, не писал или копался в книгах.

Молча зашёл в дом, мельком поцеловал её. Поднялся к себе, где провёл не более часа. Потом снова вышел к ней и дочери с каким-то просветлённым лицом и сказал ей: «Теперь я вижу, куда идти!».

Во дворце в покоях Павла Петровича его уже ожидали сразу проводили в кабинет, где Павел принял его лично. Посмотрел на академика своими серыми глазами и тихо спросил:

– Вы знаете теперь, Михаил Васильевич?

– Наверное, знаю, Ваше Высочество! Россия, семья, наука – именно в таком порядке!

– Россия? Именно она на первом месте?

– Да! Именно она! Ибо думаю о ней больше всего остального.

Великий князь встал из-за стола и прошёлся в задумчивости по комнате.

– Я очень рад, Михаил Васильевич, что вижу в Вас такого патриота страны нашей. И надеюсь, что увижу в Вас и своего друга и учителя! Но, есть одно замечание.

– Какое, Ваше Высочество?

– Вы в Петербурге известны даже более чем своими научными открытиями, своими подвигами на поприще Бахуса, а уж с Вашими кулаками лично знакомы без исключения все академики, да и большинство горожан. Став моим учителем, вы будете представлять уже не только самого себя, но и меня так же. И репутация у нас будет практически общая. Так что, я бы попросил Вас сделать выводы из сказанного мною. – Михаил Васильевич, молча, со смущённой улыбкой поклонился мне.

Ломоносова пригласили к императрице, которая сообщила учёному о назначении его учителем к будущему наследнику. И задала вопрос, какое у него сложилось мнение о шестилетнем Павле Петровиче.

– Ваше Величество, я был поражён его разумом, столь несвойственным не только для шестилетнего ребёнка, но и для многих людей в солидных летах!

– Хорошо, Михаил Васильевич, хорошо... – и императрица замерла в глубокой задумчивости.

Разумовский рассказывал мне, что назначение Ломоносова было неприятным для Панина событием, ибо тот сам собирался открывать мне глубины науки. Причём речь зашла о желании императриц отставить Панина напрочь, но я попросил тётушку всё-таки оставить Никиту Ивановича моим воспитателем.

Сложная конструкция, но меня это устраивало, я мог развиваться и вполне управлял ситуацией. Из Панина я теперь был вполне способен верёвки вить, он искренне считал, что назначение Ломоносова есть не менее, чем интриги против него лично, а я его спаситель.

Спустя несколько уроков, когда мы с Ломоносовым уже вполне сработались, я ещё раз озадачил его.

– Никак не могу выбросить из головы Ваши огненные забавы, Михаил Васильевич!

– Да, Павел Петрович! – Ломоносову пришлось по душе моя лесть, и он расплылся в улыбке.

– Да вот, памятуя о Вашей любви к России, и, видя, столь высокое искусство Ваше в пороховых забавах, я полагаю собственное незнание о том, что Вашим гением солдаты российские обеспечены лучшим огненным оружием в мире, весьма прискорбным, и прошу меня в вопросе этом просветить! – я подпустил в голос толику восхищения и наивной гордости за собственного учителя. Вот здесь его и пробило:

– Ваше императорское высочество! Сколь я могу способствовать... – голос его задрожал и я, понимая, что ответит-то ему собственно нечего, счёл необходимым прервать его.

– А ещё, Михаил Васильевич, ваши научные знания весьма велики. Я слышал, что вы родом с северных земель, окрест Архангельска, и вы наверняка сведущи в местных обычаях и привычках, и можете рассказать мне о возможности освоения северных земель нашей империи?

Он побагровел лицом и не смог найти слов. Попив водички, он смог попросить отсрочки в подготовке ответов на мои вопросы.

Ломоносов готовился долго и в результате действительно отменно проработал вопрос о качестве порохов, используемых в армии. И даже подал докладную записку на имя генерал-фельдцейхмейстера (командующего артиллерией) Петра Шувалова ²¹с целым набором замечаний и рекомендаций по их производству, хранению, транспортировке и использованию.

Тогда вопрос не был решён, но чуть позже, уже при новом главном артиллеристе Вильбоа²², документ был изучен и был оценён как весьма полезный и важный. Что уже через год принесло значительное улучшение дальности и точности стрельбы, причём как орудийной, так и ружейной.

Освоение Севера и Сибири, вообще-то, и так было идеей-фикс Ломоносова, а уж после моей просьбы, когда он понял, что нашёл себе в этом вопросе благодарного слушателя, Михаил Васильевич подготовил проект-доклад об освоения Сибири. В этом документе он на очень высоком, даже для далёкого будущего, уровне, проработал вопрос о земледелии, рыболовстве, разведении скота и добыче полезных ископаемых на этих землях, разметил перспективные места для городов и деревень и возможные торговые пути.

Признаться, я был поражён – такой доклад можно было принимать за основу для формирования настоящей программы развития новых регионов. Жаль было только вот что Дальнего Востока в докладе почти не было, так и в империю он ещё не входил – Китай там пока. Ну и последовательности действий там не было, а главное – неизвестно было, откуда на всё это дело брать средства.

Вот мне это было важно и интересно. Я мучился от неразвитости нашего Севера и Востока всю жизнь. Батя мой без Дальнего Востока представить себя не мог, и я туда же – здесь так развернуться можно было, а у нашего государства всегда сюда руки не доходили... Да, мне это было нужно, но вот из моих единомышленников пока был только Ломоносов.

И я это Михаил Васильевичу честно объяснил – ну нельзя исполнителя обманывать. И он понял, и, конечно, огорчился, но вера в то, что это будет, что его проект непременно будет осуществлён, у него возникла. А вера в таком деле – очень важная штука. Да и дожить до реализации своих идей он захотел, что тоже хорошо.

Наконец-то мне стало хорошо, информация сыпалась как из рога изобилия, Ломоносов действительно был просто невозможно эрудирован – математика, астрономия, география, а ещё и медицина, плюс я у него я начал учиться немецкому, латыни, древнегреческому, а поэзия. Причём, оказалось, что у него на уме была, и собственная педагогическая теория и учителем академик был превосходным. Я так увлёкся обучением, что даже первые месяцы я несколько выпал из всего, не касающегося нашего общения.

Алёша Лобов потёр слезящиеся глаза, дешёвая свечка немилосердно чадила, голова уже начала болеть, а есть хотелось очень сильно, но надо было выучить эту проклятую речь Цицерона против Верреса²³! Отец Паисий, что учил его языкам и письму – человек строгий, и непременно пожалуется папе на нерадивого воспитанника, а огорчать отца Алёша точно не хотел.

²¹ Шувалов Пётр Иванович (1711-1762) – один из крупнейших русских государственных деятелей, глава русского правительства, генерал-фельдмаршал, граф.

²² Вильбоа Александр Никитич (1716-1781) – русский артиллерист.

²³ Знаменитая речь Цицерона, одного из создателей классической латыни.

Батюшка был единственным его родным человеком. Мелкий чиновник, актуариус канцелярии мануфактур-коллегии, Артемий Лобов души не чаял в своём единственном сыне. Рано потеряв жену, он всю свою энергию направил на обучение и воспитание Алёши. Все его небольшие заработки уходили на сына.

Артемий Иванович вызывал всеобщие насмешки, он был коллежским асессором, а ходил постоянно в одной и той же потрёпанной одежде, не закатывал вечеров, а главное – не брал дач от страждущих. Но он не обращал на это внимания – накормить сына, одеть его, купить нужные книги, заплатить его учителям, а только потом позаботиться о себе – так он расставил приоритеты. А обучение в Петербурге было очень дорого, так что на себя-то как раз у него денег не оставалось. Алёша это всё видел и отца просто боготворил, поэтому для него огорчить папу было самым страшным преступлением.

– *Segesta est oppidum...* – за повторением Алёша не услышал, как открылась дверь в его комнатку. Отец тихо вошёл и стоял, молча с любовью глядя на сына, погруженного в дебри латыни. Наконец, Алёша облегчённо выдохнул и заметил приоткрытую дверь.

– Папа! – он бросился к Артемию Ивановичу и с нежностью прижался к нему. Тот обнял его, прислонился лицом к его затылку, и так прошло несколько минут. Наконец непоседливость ребёнка дала о себе знать, Алёша аккуратно разомкнул объятия и посмотрел на усталое лицо отца.

– Ты поел, Алёшенька?

– Нет, папа, я ждал тебя!

– Ну, зачем ты так! Какой же ты ученик на голодный желудок!

– Ну, папа, я с тобой хочу! – отец ласково потрепал Алёшу по голове, и они пошли вечером.

Лобовы снимали небольшой домик на городском острове из двух комнат и гостиной, где они и ели. За едой они любили беседовать. Именно ужины были тем временем, когда они пытались наговориться за день.

– Как твоё учёба, Алёша? Что отец Паисий говорит?

– Всё хорошо, папа! Отец Паисий говорит, что с грамотой нам пора заканчивать, ибо я уже лучше учителя пишу. Писание я знаю хорошо, древнегреческий тоже хорошо, а вот латинский надо ещё подтянуть. Я обязательно его выучу, папа! Но он говорит, что мне надо бы науками заниматься, сейчас науки в части, а я в языках и писании и так силен. – мальчик был очень горд своими успехами.

– Да, Алёша, сегодня на коллегии Никита Петрович сказывал, что царевич Павел Петрович в Петербурге первый ученик, к наукам имеет сильную тягу и способность. На приёме императрицы он прочёл новую оду Ломоносова в честь наших побед над Пруссией. В обществе только это и обсуждают. В его правление, думаю, науки в почёте будут. Отец Паисий тебе здесь не помощник, да уж... – отец задумался и замолчал, а Алёша заволновался, что при таких раскладах папа не справит себе новый кафтан, а зима-то скоро.

После ужина, укладывая сына спать, отец был погружен в свои мысли. Алёше было тоскливо, что батюшка опять все заработки потратит на него, а про себя забудет. Жалко было папу, такого умного, доброго. И мальчик, чтобы отвлечь Лобова-старшего от мыслей об обучении сына, попросил рассказать о первой встрече с мамой.

Лобов-старший с грустно-мечтательной улыбкой начал рассказ о том, как в городе Рязани на Пасху молодой третий сын местного помещика встретил около Успенского собора красавицу. Как он крутился вокруг её дома, как отец Насти был против нищего жениха, как сбежали они без отеческого благословения в Москву...

Алёша спал и видел во сне маму, молодую и красивую... А утром он проснулся с решимостью помочь отцу.

Глава 3.

Кто же не знал в Петербурге, где строится новая усадьба Ломоносова на Большой Морской. Академик туда уже переехал, там он и работал. Так что прямо с утра, вместо зубрёжки Алёша прибежал к Неве, заплатил лодочнику и вскоре уже дежурил у заветного дома. Ждать пришлось долго, он, оказываясь, приехал к усадьбе поздно, академик уже убыл к Павлу Петровичу и провёл у него довольно долго. Вернулся Михаил Васильевич к себе только после обеда, и, выходя из экипажа, был атакован неизвестным ему хорошо одетым мальчонкой.

– Михаил Васильевич! Не гоните, выслушайте! – заверещал пострелёнок. Мальчишка был немного похож на Павла – такой же мелкий ростом.

– Ну, говори, малой! – Ломоносов приехал домой, уже отобедав с царевичем, в добром настроении.

– Михаил Васильевич! Я лучший ученик отца Паисия! Я лучше всех знаю грамоту, Писание, греческий, только с латынью... Но я её выучу!

– И что ты хочешь-то, лучший ученик отца Паисия?

– Учиться хочу дальше. А у нас с папой денег мало! Он без кафтана зимой будет! А он у меня один!

– Так, а мамка твоя где?

– Умерла у нас мамка. Горячкою восемь лет назад. Одни мы! А папа в мануфактур-коллегии актуариусом работает. А он честный, и все знают, что честный! – тараторил мальчишка, начиная заливаться слезами.

Ломоносов не смог перенести детских слёз и пригласил ребёнка в дом, где его супруга ещё и накормила голодного мальчишку. Вечером академик отвёз Алёшку домой, где встретился, с уже начавшим волноваться оттого, что сына дома не оказалось, Любовым-старшим.

– Так, Артемий Иванович! Сын Ваш талант несомненный, учиться он у меня будет пока.

– Да как же мне, Ваше Превосходительство...

– Артемий Иванович, а правду ли Ваш сын говорит, что вы честный человек, до нищеты уже честный?

– Мой грех... Я не могу через себя... Ради сына... Но честь моя... – от всей ситуации и вопросов академика Артемий растерялся и не мог подобрать слова.

– Так, Артемий Иванович! Денег я с Вас брать не буду! Честный чиновник, это такое чудо, что впору либо в церковь бежать, либо, наоборот, Вас самого в Кунсткамеру, в банку заспиртовать! – со смехом громыхал Ломоносов...

А ночью Алёшке опять снилась мама. Она весело смеялась, даже светила изнутри.

От занятий с Ломоносовым меня отвлекло только появление в моей жизни нового персонажа, ставшего весьма важным для меня человеком, очень близким другом.

Утром после гимнастики, которой я никогда не пренебрегал и завтрака, я зашёл в кабинет, собираясь почитать очередной том энциклопедии Дидро, что мы как раз обсуждали с Ломоносовым. А там меня уже ждали. Молодой, статный, довольно крупный монах с очень умным и пытливым взором.

Когда я вошёл, он сразу встал и поклонился.

– Ваше Императорское Высочество! Я – иеромонах Платон. Здравствуйте!

– Здравствуйте, Ваше преподобие! – в моём ответе ясно читался вопрос.

– Императрица и Алексей Григорьевич просили меня стать Вашим духовным учителем, – мягко улыбнулся в бороду собеседник.

Ох, ты, ёлки-палки! Я совсем забыл, сколько я просил императрицу назначить мне духовного учителя, но тётушка как-то мало обращала внимания на моё религиозное просвещение,

будучи поражённой европейскими идеями свободолюбия и лёгкого пренебрежения делами церкви, кои и так были всецело ей подчинены, как главе русского православия.

Но года брали своё, вечность уже стояла на пороге, да и Разумовский сумел донести до неё, насколько важно будущему русскому царю исповедовать и понимать ту религию, которую принимает большинство его подданных. И вот мне подобрали одного из лучших богословов, преподавателя Троицкой семинарии иеромонаха Платона²⁴. Он происходил из бедной семьи подмосковного священника и за таланты свои возвышен, при обучении получил фамилию Левшин, но пользовался ей недолго, ибо подстригся, видя для себя только духовную карьеру.

Вот он оказался бриллиантом не менее чистым и ярким, чем сам Ломоносов. Никогда о нём не слышал, но масштабом его ума и веры был искренне поражён, и если, до встречи с ним, посещение церкви для меня было чем-то обременительным, хотя и хорошо знакомым и привычным, то после неё, я стал посещать храм, действительно ощущая благодать Божию и искренне мечтая приникнуть к ней.

Но вот отношения у него с Ломоносовым не складывались. Академик находился в жёстком конфликте с Синодом²⁵ и официальным руководством церкви, которые исповедовали дремучие взгляды на научную теорию и пропагандирующие самые отсталые обычаи жизни. Ломоносов, завидя Платона, фыркая, обходил его стороной.

Платон же все эти демонстрации воспринимал с показной улыбкой и не преследовал учёного. Откровенно говоря, с моей точки зрения, как раз Платон и не был явным ретроградом и обскурантом. По-моему, он не демонстрировал публично отрицательного мнения к такому поведению руководства Синода исключительно из политических соображений, но всё-таки...

Однако месяца через три, Ломоносов поспешил, придя на нашу беседу значительно ранее оговорённого срока, и в кабинете столкнулся с Платоном, который как раз излагал мне свою точку зрения на Великий Раскол. Эта трагедия христианской церкви началась ещё в IX веке, когда епископ разрушенного и обнищавшего Рима – папа Лев III, договорился с тогда ещё просто вождём полудиких франков Карлом Великим и возложил на него корону Империи. А тот, в свою очередь, объявил его главой всей христианской церкви.

Константинополь, конечно, к этому времени сильно ослабился, поживая на лаврах, ощущая себя единственным цивилизованным городом на земле – Вселенская Патриархия и Восточная Римская, а тогда ещё просто Римская и единственная в мире, империя сильно оторвались от своих бывших подданных и паствы в Западной Европе, но здесь все они оказались сильно, даже смертельно, шокированы.

– Что происходит? Вы все, кто такие? Как же так? – все эти вопросы посыпались как от Вселенского патриарха, так и от самого Римского императора.

А вы-то сами кто такие? – ответили им из Рима. – Нас здесь все знают, у нас в союзниках самый сильный местный правитель! Пусть у нас диковато и не цивилизованно, ну что? Мы привыкли! Да и что вы нам сделаете-то? От церкви отлучите? Так про это здесь никто и не узнаёт. Войска пошлётё? А есть у вас свободные? Что и завоёвывать эту дикую разорённую землю всерьёз будете?

В общем: слово за слово, восточная и западная церкви начали расходиться как в море корабли. А потом, через двести лет богословская и культурная практики настолько разошлись, что бывшее церковное единство христианства раскололось и кануло в Лету, и, наверное, окончательно...

Ломоносов, услышав про Раскол, не стал разбираться и обрушился на отца Платона с обвинениями официальной церкви в нежелании исправлять свою ошибку с Расколом Нико-

²⁴ Митрополит Платон (в миру Пётр Георгиевич Левшин) (1737-1812) – русский богослов, митрополит Московский и Коломенский.

²⁵ Святейший правительствующий синод – высший государственный орган управления Русской церковью с 1721 по 1917 г.

новским, собрать православную церковь воедино. Здесь он, конечно, прав, Московский патриарх Никон в XVII веке таких дров наломал с изменением практики богослужения, сближением с греческими обычаями, а точнее, подчинения им, с чем не согласились многие миряне и священнослужители, и раскололось уже русская церковь...

И вообще, продолжал Ломоносов, такой взгляд на науку недопустим, ибо ведёт к застою, повышенной смертности и вызывает у многих неприятие самой веры христианской, которая основа жизни народа и государства нашего.

Платон выслушал яркую речь Ломоносова, у которого, видимо, накипело, да и темы ему были очень близки и когда тот сделала паузу в своём крике, спокойно ему ответил: «Тут я с Вами полностью согласен, Михаил Васильевич!»

Ломоносов подавился воздухом и побагровел. Здесь уж я вскочил и ласково усадил академика на свободный стул, а также придвинул к нему стакан воды. От такой демонстрации уважения от будущего наследника престола тот вообще оторопел и жадно присосался к воде, а потом и к пустому стакану.

Платон улыбался в бороду, я делал вид, что очень занят чтением. Через несколько минут Ломоносов справился с собой и наконец, заговорил:

– Что вы имели в виду, отец Платон?

– Я имел в виду, что по этим вопросам моё мнение полностью совпадает с Вашим. По моему сугубому мнению, церковь должна, просто обязана, преодолеть раскол православной веры как можно скорее! Вопросы формы не должны превалировать над содержанием. Также я не наблюдаю в Священном Писании требований ограничить научное познание или же признаний каких-либо научных теорий единственно правильными. И для меня не является допустимым привязка церковных традиций к обычаям, зачастую ужасным и диким. – Платон продолжал улыбаться, глядя на внимательно слушающего Ломоносова. – Противоречия существуют не между вами и церковью, а между вами и отдельными лицами в ней. Тем более нет противоречий между вами и христианской верой. Вы видите ошибки в моих мыслях?

– Нет, Ваше преподобие, – изменение тона Ломоносова было налицо – Возможно ли нам более подробно поговорить об изложенном?

Вот так противоречия между моими глубокоуважаемыми и любимыми учителями были практически устранены, и теперь наши занятия проходили уже частенько совместно.

С тётушкой Анной я также продолжал регулярно общаться, хотя ценность информации, получаемой от неё, явно в настоящий момент снизилась, но приятно мне было с ней общаться, и всё тут...

Графиня Анна Карловна Воронцова, урождённая Скавронская, совместно с мужем Михаилом Илларионовичем ²⁶прохаживались по парку на своей мызе. Она пригласила супруга на совместную прогулку, чтобы обсудить стратегию поведения семьи.

– Михаил, мне не очень нравятся наши денежные дела! – Анна Карловна была женщиной умной и властной.

– Но душа моя! Невозможно в Петербурге вести дела в обществе, не делая долгов! К тому же ты тоже любишь тратиться – вот дача наша, к примеру!

– Михаил! Не забывайся! Именно мне ты и твои братья обязаны своим положением! И не смей меня упрекать в излишних тратах!

– Аннушка! Ну, не надо на меня кричать! Я всё предусмотрел! Как только Пётр Фёдорович взойдёт на престол, он покроет наши долги и всё будет прекрасно!

– Михаил, меня удивляет уверенность тебя и твоих братьев, что именно Пётр Фёдорович будет наследовать корону.

²⁶ Воронцов Михаил Илларионович (1714-1767) русский государственный деятель и дипломат, канцлер империи, граф.

– Душа моя! Ты что-то знаешь? Старуха решила назначить официальным наследником Павла?

– Ничего я не знаю! Елизавета ни с кем не хочет обсуждать вопросы наследия, как и вопросы собственной смерти! Но, не кажется ли Вам канцлер, что с каждым днём вероятность именно такого развития событий растёт? – ещё очень красивая и отнюдь не старая женщина, резко отчитывала супруга, на вид пребывавшего в значительно более преклонных годах, – Павел, даже в своём возрасте, ведёт себя много более достойно, чем Ваш потенциальный племянник! И то, что моя кузина решит оставить трон именно ему, вполне вероятно. И, возможно, это будет для всех лучше!

– Аннушка! Что ты говоришь, мы же давным-давно всё определили и изменить наше решение уже невозможно, мы слишком много вложили в этот проект!

– Да, вложили! Но чем больше проходит времени, тем больше мне кажется, что мы это сделали зря... – женщина произнесла эту фразу уже значительно более задумчивым тоном и, помолчав несколько минут, добавила:

– Так что, передай своим братьям, чтобы тратили поменьше, можем не дотянуть до успеха.

В нашу размеренную жизнь изменения пришли только тогда, когда мама закрутила роман с красавцем-гвардейцем Григорием Орловым²⁷. Чувства Екатерины к новому возлюбленному оказалась просто огромна – она притащила его на встречу со мной. Как на это могла отреагировать императрица! Но здоровье её оставляло желать лучшего и реакции не последовало. А то я действительно и обоснованно боялся, что наши встречи с Екатериной могли и закончатся.

Она познакомила меня с этим могучим красавцем, и я очень удивился. С предыдущими любовниками я не знакомился, да и вообще, мы даже их не обсуждали, а здесь сразу встреча. Более того, в следующий раз он явился с братьями.

Григорий на меня произвёл впечатление не слишком, но всё-таки умного бабника. Младшие Орловы тоже были фигуристыми молодцами, но значительно более стеснительными, чем Григорий. Но истинным главой этой семьи был Алексей²⁸. Не такой Адонис²⁹, как Григорий – у этого шрам через пол-лица, но тоже должен женщинам навиться, да и по фигуре покрупней братьев. Хитрость его просто в глаза лезла. Опасность я почувствовал даже после первой встречи. Но как я думаю, самых опасных надо приближать и пытаться приручить и контролировать.

Так что, уже на второй встрече я мило поинтересовался:

– Правда ли Алексей Григорьевич великолепно фехтует на саблях и палашах? Тот удивился:

– Фехтую-то я неплохо, но вот искусство моё во многом продукт моей недюжинной силы, а не умения.

– Мне нравится ваша скромность Алексей Григорьевич, но всё-таки и я хотел бы Вас попросить, если, конечно, это Вас не затруднит, быть моим учителем фехтования. Меня учат биться на шпагах, но, боюсь, в бою от этого мало толку, – я был нарочито вежливым и тем самым ещё более озадачил Алексея, найти причину отказа он не сумел и хоть явно не горел желанием отвлекаться от своих занятий, был вынужден согласиться.

Я с самого начала своей новой жизни уделял физическому развитию предостаточно времени – ежедневно выполнял небольшой комплекс упражнений, а также бегал, но требовалось и что-то большее, тело росло, и надо было его сформировать. С недавних пор я начал скакать

²⁷ Орлов Григорий Григорьевич (1734-1783) – фаворит императрицы Екатерины II Великой, светлейший князь.

²⁸ Орлов-Чесменский Алексей Григорьевич (1737-1808) – русский военный и государственный деятель, граф.

²⁹ Адонис – персонаж древнегреческой мифологии, славился красотой.

на лошади и фехтовать. Фехтование и конная езда нагружали мышцы очень неплохо, но шпаги – это непрактично. Где я смогу по-настоящему драться на шпагах? На дуэлях – бред какой-то, я вам Д'Артаньян, что ли? На войне – так там сабля или палаш сильно удобнее. Чем проще, тем эффективнее – так я думал.

Мы занимались три раза в неделю, мне это нравилось, и, в общем, сближало меня с семейством Орловых и лично Алексеем. Мне было уже восемь лет.

А зимой умерла тётюшка Елизавета.

Императрица долго болела. Каждый день последнего года она чувствовала себя хуже и хуже, сильно грустила. Мне кажется, что её просто становилось скучно. Война продолжалась, конца ей не было видно, денег не было, вокруг престола интриги, сил на развлечения не хватает, поговорить нормально можно только с Разумовским, а он давно уже не тот, что был раньше, и тоска только усиливается...

И вот в кабинет, где мы сидели с Платоном и веселились, празднуя Рождество, ворвался слуга с перекошенным лицом и, едва сдерживаясь, проговорил:

– Ваше Высочество! Императрица скончалась!

Конечно, все были внутренне готовы к тому, что она умрёт. Плелись интриги, в расчёте на её смерть или жизнь, но всё равно... Кто может предсказать волю Божию? Вот Шуваловы явно не смогли её узнать. Я знал, что они готовили заговор против Петра Фёдоровича, но не успели... Тётюшка не хотела думать о собственной смерти, Шуваловы, да и Разумовский – они не успели её уговорить, она не стала делать каких-либо распоряжений по наследованию, и всё досталось папочке...

Все забегали.

Пётр Фёдорович сразу начал давать указания, в основном нелепые, громко хохотать и вести себя как шут, перемежая свои действия выпивкой. Чувствовалось, что он просто не может себя контролировать, разрываемый радостью. Он был счастлив по-настоящему – он получил то, на что уже толком и не рассчитывал – престол России.

Мама нашла на него управу, удалив его от тела Елизаветы Петровны в свои комнаты и взяв на себя все мероприятия по подготовке к похоронам. Дальше всё прошло как в плохом водевиле: на траурной церемонии пьяный папа в нарочито белом и разукрашенном костюме громко шутил, приставал к дамам и издевался над церковными обрядами и кислыми лицами.

Как же это было противно! Ладно, я понимаю, что тётю папа не любил, она была жестока к нему, но мама пострадала не меньше его и держала лицо.

А мне, мне было грустно, прям невольно. Я понимал, что тётя не вечна, но за её спиной всё казалось простым и ясным, а вот теперь её нет, и значит, наступило время больших событий, а я ещё семилетний ребёнок... Тётю было очень жалко. Теперь понял её долгие взгляды на меня во время наших разговоров и то, что она начала, как бы случайно, касаться моих волос или рук. А я привык к ней, к её воле, харизме, которая как огромный кокон обволакивала её, затягивая в себя всех окружающих, и не замечал того, что она уходит. Нет, умом-то понимал, все понимали, а вот сердцем – нет. И я плакал, упал на свою постель и плакал. И только Марфуша сидела рядом, гладила меня и шептала ласковые слова...

Я ещё такой маленький! И мне смешно было почувствовать себя Пегуладом из неопианного ещё Альфонсом Доде Тараскона³⁰, который полугодичным ребёнком, по своим рассказам, хватал капитана тонущей «Медузы» за горло и рычал на него, требуя вернуться в рубку. Глупости! Семилетний ребёнок не воспринимается окружающими в качестве серьёзного собеседника. И пусть по совету Ломоносова, я вступил в переписку с Дидро³¹ и Вольтером³², пусть

³⁰ Тартарен из Тараскона – цикл романов французского писателя Альфонса Доде. Главный герой – провансалец Тартарен, действие происходит в городе Тараскон, на юге Франции, а также в местах путешествий персонажей романов.

³¹ Дени Дидро – (1713–1784) французский писатель, философ-просветитель и драматург, основавший «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел».

у меня получалось чуть направить безумную энергию Ломоносова, пусть! Но этого было так мало...

Хотелось ещё подождать, опереться, собрать команду, способную осуществлять необходимые стране изменения без оглядки на дикие привычки, но вот мой папочка такого явно не хотел. Первым делом, он прекратил войну с Пруссией. Нет, дело-то само по себе благое – денег на армию уходило огромное количество, бюджет трещал по швам, куча людей гибла, а дальнейшие боевые действия не приносили нам никаких результатов. Но вот так, по собственной инициативе отдать врагу всё, что завоёвано, это как-то чересчур.

Складывалось впечатление, что папа, как впал в безумный восторг по поводу получения престола и избавления от нелюбимой опекуниши, так из него и не выходил. Фонтанировал законами и указами, требовал от всех говорить по-немецки, мечтал реформировать церковь, отнимал у неё имущество, то кричал о всеобщей свободе, то, наоборот, тиранил всех и вся.

И всё это на фоне отказа от всех территориальных приобретений в тяжелейшей Семилетней войне. Тут же союз с Фридрихом³³ и война с Данией. Это вызвало шок у всего русского общества, да даже сам Фридрих, ставший главным выгодоприобретателем смены власти в России, не верил в такое.

Пётр III даже не короновался, отложив церемонию до победы над Данией, ожидая, видимо, момента славы как Пётр I, объявивший себя императором только после окончания войны со Швецией. Не принимая статуса государя российского вообще, более желая корону Голштинии, а, может, и Дании. Далее папёнька натащил в Россию кучу своих родственников, щедрой рукой раздавая им должности, земли и людей, и явно обходя местных.

Анна Карловна ужинала в своём дворце в компании супруга и дочери.

– Михаил, тебе не кажется, что твой почти племянник ведёт себя глупо?

– Анна, так он и твой почти племянник!

– Нет, милый мой, именно ты с твоими братцами затеял эту интригу!

– Да, именно нам мы обязаны погашением наших долгов и нашим возвышением до высот, которых никто ещё не достигал!

– Муж мой! Не говори чепухи! Тем, что этот олух получил престол, вы обязаны мне! Я убедила кузину не менять наследника! Я убедила её, что она проживёт ещё долго, а Павел ещё слишком мал, и ему надо дать подрасти под её опекой! – женщина шипела как разъярённая змея.

– Ха, может это ты ещё и ускорила её смерть?

– Молчать! – губы Анны Карловны побелели, – Как ты смеешь? Она моя сестра!

– Теперь уже моя племянница Елизавета Романовна – гарантия нашего положения! – вот после этих слов женщина расхохоталась, и гнев сменился холодным презрением.

– Наверное, милый мой, такие именно это говорили и Меньшиковы с Долгоруковыми, крутясь вокруг несчастного Петра II³⁴.

– Аннушка, что ты имеешь в виду?

³² Вольтер – Франсуа-Мари Аруэ – (1694–1778) французский философ-просветитель XVIII века, поэт, прозаик, сатирик, трагик, историк и публицист.

³³ Фридрих II, или Фридрих Великий – (1712–1786) король Пруссии с 1740 года. Яркий представитель просвещённого абсолютизма, основоположник прусско-германской государственности.

³⁴ Пётр II Алексеевич (1715–1730) – российский император, сменивший на престоле Екатерину I. Внук Петра I, сын царевича Алексея Петровича и немецкой принцессы Софии-Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской, последний представитель рода Романовых по прямой мужской линии. Вступил на престол в 1727, когда ему было всего 11 лет, и умер в 14 лет от оспы. Пётр не успел проявить интереса к государственным делам и самостоятельно фактически не правил. Подлинная власть в государстве находилась в руках Верховного тайного совета и в особенности фаворитов юного императора, сначала А. Д. Меньшикова, после его свержения – Долгоруковых.

– Михаил, ты, всё-таки канцлер, наверное, и сам поймёшь, что я имела в виду, если подумаешь, конечно, поубавив спеси и гордыни, – и она, усмехаясь, взяла со стола бокал с вином. Канцлер вскочил и забежал вокруг, возбуждённо размахивая руками.

– Ты что-то знаешь о заговоре против императора! – утвердительно-обвиняюще кричал Воронцов.

– Милый мой, во-первых, не шуми! Ты привлечёшь к нам лишнее внимание. Во-вторых, подумай сам, твой дражайший император ведёт себя на редкость вызывающе по отношению почти ко всем. И заговор против него, если уже не созрел, так скоро созреет! Наша семья чуть ли не единственная его опора в обществе! Единственная, подумай!

– Так, значит, надо устранить угрозу Петру! Я поговорю с ним, пора убрать с доски лишние фигуры.

– Не спеши, Михаил! Речь идёт не только о тебе! От твоих опрометчивых действий могут пострадать и я, и твоя дочь, и твои племянники! Если мы вызовем падение или хуже того – смерть наследника и его матери, то ненависть с фигуры Петра перейдёт на нас! А когда вспыхнет, а вспыхнет обязательно: Пётр Фёдорович – идиот! Да, идиот! И ты знаешь, что это так! И ты не можешь заставить его вести себя достойно!

– Так что же ты, хочешь, Аннушка? – сменил тон канцлер.

– Я не хочу ставить свою жизнь, жизнь дочери и племянников, да и твою жизнь, на одну, причём очень слабую, карту.

– Твой племянничек?

– Да, Павел! Он меня любит и не станет обижать меня и мою семью.

– Любит? Может быть, и ты его любишь? И он тебе дороже...

– Молчи, Михаил! Не расстраивай меня своими глупыми, опрометчивыми словами! Вы моя семья! И этим всё сказано! Но Павел тоже стал её частью и я не собираюсь разменивать вас друг на друга! Тем более, когда это противоречит здравому смыслу.

– Хорошо, дорогая, ты права! – Михаил Илларионович смирился с волей супруги. Человек он был неглупый, в конце концов, канцлером он стал не только благодаря родственным связям.

В результате деятельности Петра Фёдоровича за него держались только Воронцовы: папочка решил жениться на Елизавете Романовне, дочке одного из патриархов рода, прогнав мою мать. Да, похоже, и я сам оказывался под ударом. Хоть какую-то иллюзию спокойствия мне пыталась внушить тётушка Анна, но я слишком хорошо понимал, что Елизавета Романовна – её родная племянница, а её муж стоит целиком на стороне моего отца и, заботясь о своём семействе, она меня до конца защищать не будет.

На очередной встрече с Разумовским я его прямо спросил:

– Дядя Алексей, а хорошо ли не любить собственного отца?

Тот, пожевав губами, без тени укора отвечал мне:

– Некоторых отцов любить и не за что, Павел!

Мама же забеременела от Григория Орлова, была вся в сложных чувствах. Ей, по большому счёту, было не до ситуации в стране. Я понимал, что, если на Екатерину сейчас не повлиять, мы можем потерять Россию. Папа имеет намерения её расстроить до такой степени, что потом мне её не «собрать».

Свою детскую ревность к любовникам матери я держал под контролем и решил повоздействовать на чувство самосохранения Орловых. При очередном уроке Алексея Орлова и поинтересовался, не опасаются ли братья за свою жизнь.

– Как же отец ваш, Ваше Высочество, он же лучше знает, кого наградить, а кого наказать? – не удивился Алексей.

– Ох, Алексей Григорьевич, только Господь справедлив и всезнающ, а царь-батюшка-то не Господь Бог. Тем более не коронованный-то... – я сказал это самым глупым своим голосом, чтобы показать, что я повторяю чужие слова.

– А что же, Ваше Высочество, неужели Вы своего отца не цените? – хитрый Алексей продолжал меня прощупывать.

– Папенька мне Богом дан, а отвечать за Россию – мой долг! – вот здесь, я, похоже, не выдержал и немного отклонился от предполагаемой линии разговора.

Алексей внимательно на меня посмотрел и спросил:

– Неужели Вы за нас радеете?

– И за Вас тоже, Алексей Григорьевич! – здесь я намекнул на то, что именно он мне ценен, а не брат его, – Но и за себя и за учителя своего Никиту Ивановича, и за Алексея Григорьевича Разумовского тоже. – И навёл его на тех людей, во мнении которых, по этому вопросу я уже не сомневался.

– Ну, Ваше Высочество, как же нам, самогó Императора, что ли, обижать? – вот хитрован, делает вид, что не понимает ничего и даже не думает о таком.

– Алексей Григорьевич, я не понимаю Вас, мы же про правду говорим? Как слова правды папеньку обидеть могут? Ведь честность – это же главное свойство дворянина? – вот тебе, Алексей Григорьевич, получи. Не всё же тебе дурака изображать.

– А может верность? – продолжал играть он.

– Верность, да, конечно. Для государя – верность отчизне, вверенной тебе Господом!

Разговор получился очень сложным и натянутым, мне регулярно приходилось включать ребёнка, но своего я добился. Орловы начали активно искать контакты с Разумовскими и Паниными, маму слегка встряхнули.

После этого я также открылся Екатерине, сказав, что не переношу отца, и его правление может полностью разрушить государство. Я сравнил его царствование с царствованием Лжедмитрия³⁵, которое послужило началом Великой Смуты³⁶. И открыто признал за ней право свергнуть его, спасая страну. В общем, сообщил о своей полной поддержке.

К заговору присоединился накрученный мною Панин, который боялся потерять влияние на престол, а значит и своё положение. Разумовский также пообещал поддержку, отойдя от принципа невмешательства, и привлёк к заговору своего брата Кирилла с его Измайловским полком³⁷.

Но настоящей душой заговора оказались Орловы. Братья были очень популярны в гвардии, которая должна была стать орудием смены власти. Наконец и мама разрешилась от бремени, родив мальчика, названного Алексеем. Всё было почти готово.

Спускowym крючком оказался мир, заключённый с Пруссией, а точнее, торжественный ужин, который закатил Пётр по этому случаю в Петергофе. На празднике папенька потребовал от моей матери встать и выпить за здоровье Фридриха Великого, сопровождая своё распоряжение крайне неприличными словами и жестами. Как мне потом передавали, это было очень мерзко и некрасиво. Мама отказалась, и тогда отец начал грубо оскорблять её и меня заодно.

³⁵ Лжедмитрий I – (XVI век-1606) – Государь, Царь и Великий Князь всея Руси с 1 (11) июня 1605 года по 17 (27) мая 1606 года, самозванец, выдававший себя за чудом спасшегося младшего сына Ивана IV Грозного – царевича Дмитрия. Первый из нескольких самозванцев, именовавших себя сыновьями Ивана Грозного и претендовавших на российский трон.

³⁶ Великая Смута или Смутное время – период в истории России с 1598 года по 1613 год (существуют другие версии периодизации, доводящие хронологию Смуты до 1618 года), ознаменованный стихийными бедствиями, гражданской войной, русско-польской и русско-шведской войнами, тяжелейшим государственно-политическим и социально-экономическим кризисом.

³⁷ Лейб-гвардии Измайловский полк.

В мягком изложении его слова были о том, что мама ему никогда не была верна, он с ней не жил, а я, таким образом, вовсе не его сын. Более того, он заявил, что завтра же нас лишат статуса и отправят в крепость.

Ждать больше было опасно и глупо. Началось.

Братья Орловы собрались в своём доме в Петербурге. Они не могли в последнее время встретиться все вместе и обсудить ситуацию, но теперь это было необходимо, и каждый бросил все дела и прибыл на встречу, которую организовал Иван.

Все Орловы заходили, приветливо кланялись старшему брату и садились по его знаку за стол. Сидели молча, пока не приехал последний и Иван не начал беседу.

– Итак, братцы, что делать будем? Алексей?

– Делать нечего, только драться, ещё денёк и сожрут нас. В Берёзово ³⁸не хочу!

– Кто по этому поводу ещё что молвит? – Иван обвёл взглядом братьев. Никто не высказал намерения противоречить словам Алексея, – Что ж, ясно – решили! Как будем действовать? Какие карты у нас в игре? Григорий?

– Императрицу я беру на себя! Ей тоже отступать некуда. С нами Панины и Разумовские!

– Прекрасно, а войска что?

– Измайловцы с нами!

– И это всё? – руку поднял Алексей, прося слова. Иван кивнул:

– Говори!

– Семёновцы ³⁹почти наверняка, Преображенцы ⁴⁰почти все, Конная гвардия – скорее всего. Никто против нас в Петербурге не пойдёт – задавим.

– Голштинцы⁴¹?

– За Петра, но одни они вряд ли смогут что сделать.

– Что надо для начала, Алексей?

– Деньги и вино в достатке, офицеров все мы знаем, пора бежать и поднимать людей.

– Всё, начинаем?

– Есть вопрос. – Алексей поднялся из-за стола. Получил кивок Ивана, хлебнул из бокала и решительно произнёс:

– Наследник. Он серьёзный противник. За него слишком многие. Чуть позже он станет опасным игроком, который нам наверняка будет мешать. Мешать Григорию утвердиться на троне императора так уж точно.

– Что ты предлагаешь? – взгляд Ивана стал чёрным и пронизал Алексея насквозь.

– Надо его убрать! В шуме бунта никто не заметит, кто это сделал. Победа всё спишет. Потом его охранять лучше будут и спрятать следы будет сложнее.

– Гриша, что ты думаешь?

– Я Алексея поддерживаю! Мне он только мешает! Катька без него вся моя будет! С рук у меня есть будет!

– Братья? – обратился Иван к младшим.

– Мы как ты, братец, скажешь!

– Как ты, Алёша, это сделаешь?

³⁸ Берёзово – посёлок городского типа в Ханты-Мансийском автономном округе России, популярное место ссылки в Российской империи. Сюда были сосланы светлейший князь Александр Меншиков с детьми, князь Алексей Долгоруков с семьёй, граф Андрей Остерман, в XIX веке – декабристы, в начале XX века – революционеры.

³⁹ Солдаты лейб-гвардии Семёновского полка.

⁴⁰ Солдаты лейб-гвардии Преображенского полка.

⁴¹ Личная гвардия императора Петра III состоявшая, в основной массе, из выходцев из Северогерманского герцогства Шлезвиг-Гольштейн, подданных Петра как герцога Голштинского.

– У меня есть дружок в Преображенцах, мне верен. Он всё сделает. Только тебе, Гриша, нужно будет от своей Катьки письмо получить, что, мол, этим людям Павел может довериться.

– Я не уверен, Алёша! Она может не положиться на кого-то из малознакомых людей в таком деле – любит она его! Пошлёт кого из измайловцев...

– Мы с тобой вдвоём её уговорим. По дороге обсудим как. Так можно, Ваня?

– Хорошо, так и поступим. Имена и обстоятельства знать не хочу. Пусть, мы не будем вдалеке от подробностей! – братья кивнули, принимая решение старшего брата.

– Итак! Алексей и Григорий – к императрице, Фёдор – к Разумовскому, пусть Измайловцев поднимает, потом к Конной гвардии. Владимир к Семёновцам, я сам к Преображенцам. Сбор к утру у Летнего дворца. Помолимся, братцы за успех! – братья повернулись к иконам и начали молитву.

Орловы подняли Преображенцев и Семёновцев, Разумовский своих Измайловцев, вахмистр Потёмкин сагитировал конногвардейцев. Синод и Сенат стараниями Панина, Разумовского и Левшина были за нас. Григорий Орлов вывез маму ночью из Петергофского дворца в Петербург.

Я был в Царском селе. Естественно, что я ничего не знал об этих событиях и преспокойно улёгся спать. Ночью меня разбудили и просветили. За мной примчались Преображенцы во главе с поручиком Чертковым, чтобы доставить меня в Петербург.

Признаться, я был удивлён, что не приехал кто-то из Измайловцев. Если уж не сам младший брат Алексея Григорьевича Разумовского – Кирилл, так хоть кто-то из его приближённых, с которыми я был знаком. Но при них было письмо от мамы, так что я быстро оделся, взял с собой пару гайдуков⁴², которых мне уже с полгода как любезно предоставил Разумовский, и поскакал в Петербург.

⁴² Прислуга у вельмож, в данном случае – телохранитель.

Глава 4.

Емельян Карпов был доволен своей судьбой. Ну, сейчас уже был доволен. А вот раньше... Когда год назад на его брата Михея выпал жребий в рекрутчину⁴³, отец их Кузьма – сельский кузнец, человек богатырских статей – почти сажень ростом, но тихого нрава. Так вот, отец твёрдо определил, что Михею служить никак не возможно – только женился, а жёнка его уже на сносях ходит. Денег на наём замены у них не было – откуда такие деньжищи, крестьяне же. Так что идти в рекрутчину выходило Емельке.

А что, тот к кузнечному делу, в отличие от старшего брата, тяги не испытывал, крестьянствовать тоже не стремился, даже невесты у него не было... Ходил Емеля то молотобойцем у отца и брата, то в деревенских пастушках. Не то чтобы дурачок, но какой-то неспособный к нормальной крестьянской жизни. За что не возьмётся, ничего не выходит. Только молотом лупить со всей силы и мог, а это в деревне нечасто и требуется.

Так что в рекруты ему судьба была пойти. Он и пошёл. Обнял на дорогу родителей, помахал кулаком пред носом брата: как же, коли вместо тебя иду, так должен ты так век свой прожить, чтоб все обзавидовались! И оставил своё сельцо Колядино навсегда.

Вот здесь и понял он, что жизнь его до этой поры сказкой была. Ростом в целых два аршина⁴⁴ и десять вершков⁴⁵, был он истинным великаном. Но характер у Емельки был в отца – тихий и робкий, поэтому в начале службы поручик на рекрутской станции попытался продать его обманом на демидовские заводы. Помешало тому только то, что на слух о медведе, забритому в рекруты, прискакал капитан Копорского полка, возжелавший заполучить его в создаваемую гренадерскую⁴⁶ роту. И приехал он очень вовремя, когда на дежурстве был другой офицер, не состоявший в доле с жуликоватым поручиком – всё вскрылось. Емелька отправился в Санкт-Петербург – в полк, а поручик – на суд губернатора.

В полку он сразу был определён в гренадерскую роту – с таким ростом без вариантов. Больше всего его командиры боялись, что его заберут в гвардию без какой-либо оплаты им. Поэтому припрятали его в полковой слободе и не выпускали в город. Там же оказался и его землячок. Ну как земляк, просто оба – тверские, но всё-таки.

Захар Пономарёв был отправлен в рекруты как вор. Поймали его на краже у соседей и не в первый раз, вот мир его и отдал⁴⁷. Хотел бежать по дороге, но старший попался внимательный, лоб ему забрили сразу и ловили два раза, пороли потом так, что несколько дней в побег пойти не было сил. Когда попал в полк, там уже знали его репутацию и тоже заперли в слободе, где их учили солдатской жизни. Там они и познакомились и даже подружились.

Прошёл год и Емельян оказался хорошим гренадером, а Захар мушкетёром, и вот собрались отправить их уже в постоянные роты. А перед этим, наконец, разрешили выйти из казарм в город. Вот здесь и решили дружки гульнуть напоследок. Зашли в кабак, выпили-закусили, пошли дальше гулять по городу, смотреть на людей, на дома, каких раньше не видели. Может и ещё где выпить.

⁴³ Рекрутская повинность – способ комплектования вооружённых сил Российской империи до 1874 года, путём призыва на воинскую службу ограниченного количества гражданских лиц (рекрутов).

⁴⁴ Старорусская мера длины – 71,12 см.

⁴⁵ Старорусская мера длины – 4,445 см.

⁴⁶ Отборные части пехоты и кавалерии, изначально предназначенные для штурма вражеских укреплений, преимущественно в осадных операциях. Первоначально вооружались в т. ч. ручными гранатами (гренадами), из-за которых и получили наименование.

⁴⁷ По рекрутской повинности у государственных крестьян определение военнообязанного производилось самой общиной – миром (уст.).

Оба были слегка пьяны от употреблённого в кабаке и от ощущения свободы. Они брели по улице, не разбирая дороги, весело переговаривались и не обращали внимания на окружающих, но шум, раздававшийся за углом, был слишком громок и вынудил их остановиться и замолкнуть.

– Что это, Захарушка? – непонимающе произнёс Карпов.

– Дык, похоже, убивают кого-то, Емель! – удивлённо произнёс приятель.

– Эвона! – задумчиво протянул гренадер и тихонечко выглянул из-за угла. Увиденное вынудило его отшатнуться и непонимающе уставиться на друга.

– Что там?

– Там, это, какого-то мальчонку с гайдуками убивают. Непорядок, брат, ребёнок же! – Карпов глянул на приятеля, и, поймав ответный задорный взгляд Захара, – Где наша не пропала! – рывком кинулся к месту схватки...

Ехать было далеко, и мы скакали всю короткую летнюю ночь, однако к утру уже на окраине города наш конвой странным делом пропал. Гайдуки заволновались. Старший из них – Григорий – нервно сказал:

– Знаешь, Ваше Императорское Высочество, странно это. Конвой просто так не пропадёт, если на них напал кто, мы бы увидели, а так оторвались от нас и понимай, как звали. Что-то не так. Ловушка, похоже...

– А что же они нас сами не порешили? – спорил с ним второй гайдук, Степан.

– Если бы они нас сами убили, глядишь и признался кто из преображенцев, или заметил кто, что это именно они так нас... – вмешался уже я.

Мы начали нервно оглядываться. Потеряли-то мы свой конвой в мелких улочках. Завёл нас наш конвой туда, а мы уже устали и не поняли, что нас заводят в засаду.

Всё верно, из-за угла вывернула группа оборванцев. Они и были той засадой, которую мы ждали. Босьяки оказались хорошо вооружены и открыли огонь из пистолетов. Гайдуки были ребятами очень опытными, Алексей Григорьевич дал мне в охрану лучших из лучших, видно, чувствовал что-то. Григорий и Степан подняли своих лошадей на дыбы, прикрывая меня от огня нападавших.

Кони получили сразу по несколько пуль и с жутким плачущим ржанием завалились на землю, а ребята успели соскочить, да ещё и пистолеты из седельных кобур с собой прихватили. Я воспользовался предоставленной мне паузой и соскочил со своего мерина, также вытащив пистолеты.

Гайдуки открыли ответный огонь и не промахнулись в отличие от нападавших, трое рухнули, один из них оказался ранен в живот и огласил округу своим криком. Ребята ударили в сабли, против каждого было по несколько врагов, и, скорее всего, они бы не смогли сдержать нападавших. Григорий кричал мне, чтобы я бежал, называя меня Игнатием, надеясь хоть как-то отвлечь от меня внимание.

Я же словно заледенел. Нет, не впал в ступор, просто мысль бежать за всю схватку у меня в голове даже не промелькнула. Я бросил один пистолет под ноги, поднял другой двумя руками и выстрелил, как учили. Попал. Поднял второй, опять прицелился. За это время Степан получил удар палашом в плечо. Я выстрелил – не попал, Степану разрубили голову. Григорий остался один. Всё должно было закончиться за считанные секунды. Я вытащил шпагу, но чтобы я сделал один против шестерых?

Но всё резко изменилось, из-за угла с диким рёвом вырвались две фигуры в солдатских мундирах – один как медведь, второй как росомеха. Они были вооружены только тесаками, но большой просто, как спичку, сломал ближайшего к нему убийцу, схватил его палаш и тут же разрубил пополам следующего. В это время тот, что поменьше своим ножом почти одним движением зарезал ещё двоих.

Григорий почувствовал изменение обстановки и так ловко закрутил саблей, что его противники невольно отступили. Я, просто, молча, подошёл к нему и ткнул остриём шпаги в бок одному из его противников. Тот схватился за рану, и тут же Григорий срубил ему голову. Всё произошло буквально за мгновения. Вся схватка перевернулась, последний нападавший это почувствовал и побежал.

Но недалеко. Тот, что поменьше, метнул свой тесак и попал ему точно под левую лопатку.

Картина поля боя была кошмарной. Площадка была залита кровью, человеческой и лошадиной и усыпана мертвецами и частями тел. Одна лошадь ещё была жива, билась в муках и жалобно ржала.

Горячка схлынула, я почувствовал дурноту, но пытался сдерживаться, сохраняя лицо. Всё испортил медведеподобный солдат – его начало рвать с такой силой и звуковыми эффектами, что сдерживаться дальше было невозможно – меня стошнило прямо в кровавые лужи под ногами. К нам присоединился и второй неожиданный помощник, и только Григорий сдержался.

Он, сначала, пошатываясь, обошёл всех упавших, тихо сообщил, что живых нет. Подошёл к умирающей лошади и спокойно перерезал ей горло. Потом присел на туловище другой уже мёртвой нашей лошади и, опустив голову, ждал, когда нам полегчает.

К собственной гордости я был первым, пришедшим в себя. Утерев рот, я подошёл к своему телохранителю и, наконец, увидел то, что не замечал раньше: он был ранен и балансировал на грани потери сознания. Видимо, первый залп банды не прошёл совсем даром – на боку его обильно выступала кровь. Я начал говорить с ним, подбадривая его, а сам рылся в вещах убитых.

Разодрал какую-то более или менее чистую рубаху, смочил импровизированный бинт тут же найденной водкой из фляги и подступил к Григорию.

Здесь мне на помощь пришли и солдаты. Большой отодвинул меня, разорвал мундир гайдука, будто тот был из бумаги, открыв разодранный, обильно кровоточащий бок – пуля прошла по касательной, повредив кожу и мышцы. Григорий потерял порядочно крови.

Солдат, сосредоточившись на процессе, сквозь зубы прошипел:

– Захарка, а что это тебя стошнило-то? Ты ж рассказывал, что народу перерезал, что комаров прибил?

– Дык, брат Емеля, ловко соврать – половину невзгод от себя отвести! Коли бы не врал так красиво, били бы раза в три чаще! – тот смущённо улыбнулся.

– Ничё! – прошипел из последних сил Гришка. – Зато как хорошо он ножиком махал!

Емельян ловко прижал тряпку к боку гайдука и обмотал его вокруг туловища лентами, на который распустил свой камзол. Захар поймал моего коня, который убежал недалеко и подвёл к нам.

– Сам-то не дойдёт, поди! – проговорил солдат, помогая Грише сесть в седло. Гайдук прохрипел:

– Кто такие будете?

– Гренадер Копорского полка Емельян Карпов! – пробасил крупный.

– Мушкетёр Захар Пономарёв! – представился второй.

– Где летний дворец знаете? – здесь уже вмешался я, не желая раскрывать даже им своего имени до поры.

– Знаем, барчук! – Пономарёв уже хитро косился на меня.

– Проводите нас – озолочу!

– Стойте! – остановил нас Григорий – Тебе, гренадер, надо одеть что, страшно выглядишь. – Тот с удивлением осмотрел себя. Картина действительно была пугающая: под ночным небом стоял огромный окровавленный мужик в порванной рубахе.

– А нам с мальчонкой надо как-то одёжку поменять – на нас засада была, хотелось бы нам по-другому выглядеть. – Григорий понял мою идею и сохранял наше инкогнито.

Пришлось нам обыскать трупы, забрать драный плащ, в который кое-как завернулся Емельян. Я облачился в засаленную епанчу⁴⁸, а моего охранника обмотали обносками, и оттого он стал похож на мумию.

Как выяснилось, ловкач брал на себя слишком большую ответственность – как попасть к дворцу они не знали. Пришлось гренадеру вынести дверь в один дом, в котором после нашего побоища открывать на стук нам не спешили, и получить эту информацию от перепуганных хозяев.

Через час мы окровавленные и грязные прибыли к воротам Летнего дворца. На часах стояли двое семёновцев. Наша кавалькада сильно их напрягла: какие-то оборванцы, причём первым идёт человек огромного роста, а на коне замотанная в тряпки фигура.

– Кто такие, что надо? – из караулки сразу вышли ещё двое солдат. Григорий с коня злобно каркнул:

– Кто-кто! Разумовский во дворце?

Один из подошедших солдат, видимо, старший, поинтересовался с некоторой издёвкой:

– А какой тебе Разумовский нужен?

– Любой! Хоть Кирилл Григорьевич, хоть Алексей Григорьевич.

– Хм, а что хотел от них? – уже более заинтересовано.

– Передай, что Гришка Белошапка тут.

Вот теперь они зашевелились, видимо, указания какие-то были даны. Старший жестом отправил одного из солдат к дворцу, тот рванул резво, как лошадь-четырёхлетка. Буквально через десяток секунд с момента, как он скрылся за дверями дворца, те снова распахнулись, и на крыльцо выскочила мама. За ней тут же выбежал Кирилл Григорьевич, потом Панин, затем Разумовский-старший, Орловы, ещё какие-то гвардейские офицеры, солдаты, и все посыпали к нам.

Уже по дороге Орловы пытались прорваться в передовые ряды, но Кирилл Разумовский и Панин своё первенство не отдали, а маму подхватил под руку Алексей Григорьевич, который забыл о своей степенности.

Кирилл подбежал к воротам первым, с ходу нервно крикнул:

– Гришка, ты?

– Я, Кирилл Алексич, я! – устало ответил мой гайдук.

– Где царевич?

Екатерина и остальные уже были рядом, я вышел из-за спин своих защитников и громко крикнул:

– Мамочка, я здесь!

Она оттолкнула всех, бросилась ко мне, обняла меня, я почувствовал мамино тепло. Судя по всему, до этого я был в диком напряжении, а сейчас оно меня отпустило, и я повис на её руках, шепча: «Мамочка-мамочка!» Все заскакали вокруг, изображая кур-наседок, громко кудахта и чуть ли не подпрыгивая, – так я всё это воспринимал.

По пути до дверей дворца я успел поймать взгляд Разумовского-старшего и благодарно ему улыбнуться. А потом я категорически отказался следовать в покои матери до тех пор, пока Гришке не окажут медицинскую помощь, а двух моих спасителей не опросят и не переоденут.

Гришку посадили на стул в кордегардии, и к нему прибежал один и лейб-медиков. С раненого срезали лохмотья, которыми мы его обмотали. Бок выглядел страшно, но кровотечение было уже небольшим. Врач вытащил из сундучка нить и собрался шить.

Меня что-то беспокоило, я поднял руку, привлекая к себе внимание, и задумался. Вот оно!

⁴⁸ Русский широкий, безрукавный круглый плащ с капюшоном у мужчин.

– А почему Вы не держите нить в алкоголе? – просил я у врача. В больницах в прошлой жизни я бывал не раз, в травмпунктах тоже – по разным причинам, но помнил, что нитки врачи всегда вытаскивали из баночки с антисептиком.

– А зачем, Ваше Императорское Высочество? – вот озадачил, так озадачил. Я раньше не обращал внимания на врачей, после оспы я и не болел толком, а вот теперь обратил и был искренне удивлён. Так, о микробах здесь что-то знают – Ломоносов мне рассказывал.

– Так. Известно ли Вам, милостивый государь, о маленьких зверьках, открытых голландцем Антониом Левенгуком⁴⁹?

– Ваше Высочество! Я не понимаю, какое отношение этот дурацкий факт имеет к медицине? – слова медика прозвучала столь напыщенно, его тон был до такой степени возмущённым, что мне стало очевидно невозможность ему что-то доказать прямо сейчас. Поэтому я просто приказал:

– Принесите Spiritus vin⁵⁰! – доктору велел обмыть им руки, вымочить в нём иглы и нить, а бинты прокипятить, пока идёт операция.

Да, я заработал репутацию глупого малолетнего самодура, мешающего и вредящего профессионалам, но вот только тот, кто спас меня, не пострадает от этого коновала. А вот медициной сто́ит заняться – пусть в ней ничего толком не понимаю, но уж в гигиене-то разбираюсь...

Я настоял, чтобы Григория разместили во дворце. Емельяна с Захаром я попросил сделать моими охранниками. Захара сразу отправили с десятком измайловцев на место схватки, но там было уже всё вычищено – следов не нашли. Чертков и его люди тоже будто канули в Лету. Концы в воду, за заговором стоял кто-то могущественный...

~~*~*~*~*~*~*~*~*

Поспать ночью больше не удалось, буквально перед рассветом к нам нагрянули новые гости – Воронцовы. Тётя Анна вошла впереди каравана родственников. Мы с мамой встретили их вместе.

– Анна Карловна! Какой неожиданный визит! – Екатерина взяла инициативу в свои руки.

– Ваше Императорское Величество, мы прибыли выразить Вам нашу преданность! – Воронцова взяла с места в карьер, явно отрезая себе и своим родственникам пути отступления.

– Что и Елизавета Романовна с вами? – Екатерина настоящая женщина, которая не пропустит момент пнуть соперницу.

– Да, Ваше Величество, я припадаю к Вашим стопам с просьбой о милости Вашей! – выступила из толпы заплаканная Елизавета.

– Екатерина Романовна! Вам вверяю заботу о сестре Вашей! – это уже мама сказала Дашковой⁵¹

⁴⁹ Антони ван Левенгук (1632-1723) – нидерландский натуралист, основоположник научной микроскопии.

⁵⁰ Этиловый спирт (лат.).

⁵¹ Дашкова Екатерина Романовна (1743-1810) – подруга и сподвижница Екатерины II Великой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.